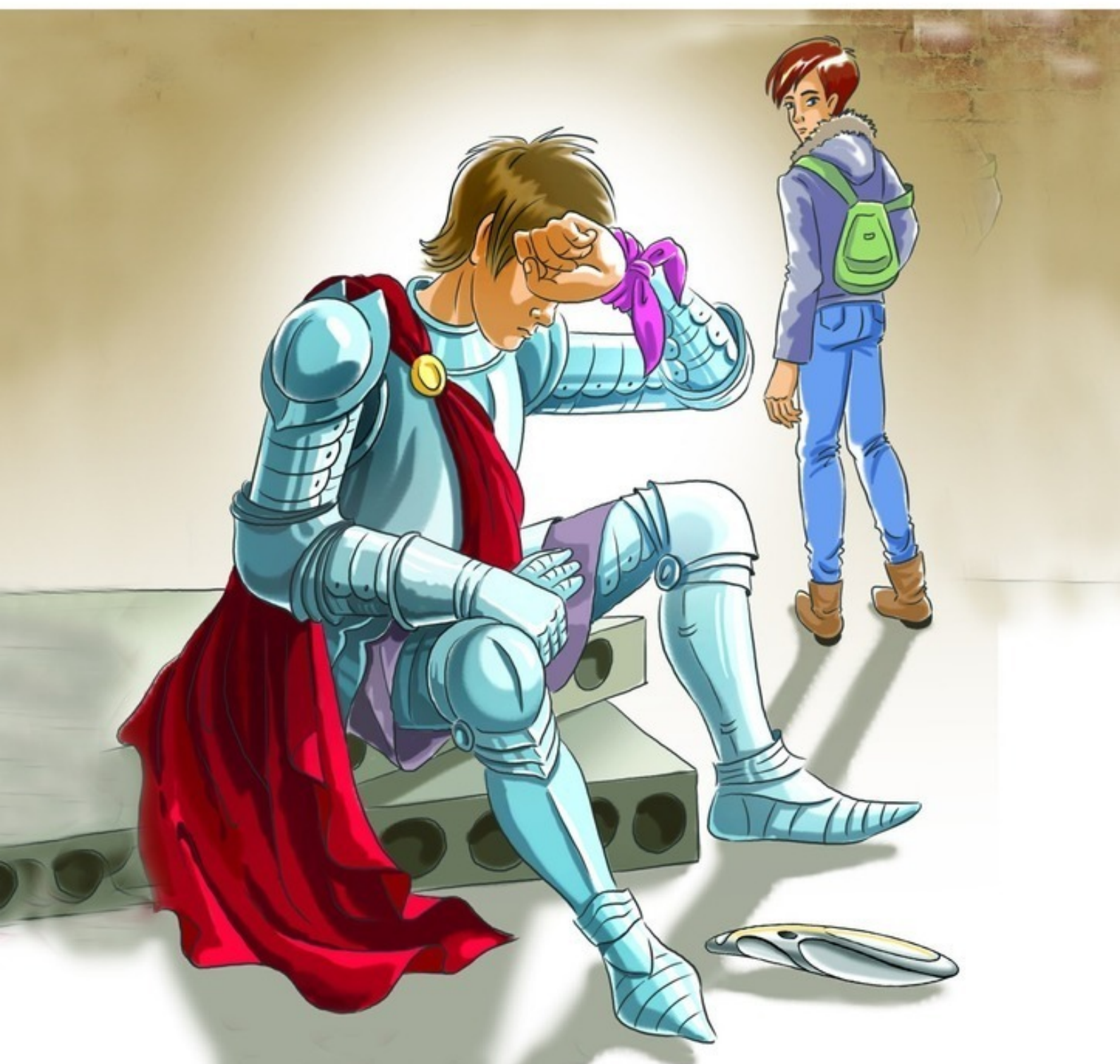

Олег Раин
Великий Уравнитель

Олег Раин

Великий Уравнитель

«Издательские решения»

Раин О.

Великий Уравнитель / О. Раин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904960-5

В руки юного героя попадает страшной силы прибор. Цена неожиданного «подарка» не менее пугающая — исчезновение друга. Но и это еще не все: одна беда тянет за собой другую, и двое одноклассников Петра бросаются с крыши вниз. Что-то срочно нужно делать, но делать чрезвычайно страшно. Это не игра, и риск огромен. Тем не менее, непростой выбор совершается, могучий прибор пускается в ход...

ISBN 978-5-44-904960-5

© Раин О.

© Издательские решения

Содержание

1 Часть 1	6
Глава 1 Страшная юность моя	7
Глава 2 Коллекционер фобий	12
Глава 3 Парковчанин	16
Глава 4 Променад	21
Глава 5 Вечер сюрпризов	28
Глава 6 Накануне...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Великий Уравнитель

Олег Раин

© Олег Раин, 2018

ISBN 978-5-4490-4960-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1Часть 1

*Мы шли вдоль счастья
И вдоль острова,
Не забредая никуда...
Какие отраженья острые!
Какая синяя вода...*

Татьяна Кулешова

Глава 1 Страшная юность моя

Должно быть, в прошлой жизни я погиб ночью. От клыков хищников, от внезапной пули, от копья, а может, и стрелы, но наверняка ночью. Иначе было не объяснить ту трясучку, что овладевала моими коленками, руками и чем-то в глубине живота, едва сгущались за окном сумерки. Прямо ничего не мог с собой поделаться! И фонарики не спасали, и самые отважные мысли. Вот и сегодня я никуда бы не пошел – с превеликим удовольствием остался бы дома! Но я все равно собирался. Давил в себе эту заячью дрожь и нарочно обманывал доверчивое сознание – типа, выхожу всего-то на час-полтора. Перетру с Ваню подвальную тему, потусуюсь с ребятами – и тут же домой. Понятно, и с Цаплей повидеюсь – это подразумевалось само собой, и, скажем честно, перевешивало все мои страхи – ну, или почти все.

На улице быстро смеркалось, окно потихоньку превращалось в самую грустную из икон современности – «черный квадрат безысхода». Нормальные люди ложились спать или усаживались перед экранами телевизоров, а некоторые безголовые особи, типа меня, собирались на прогулку...

В нагрудный карман я упибал сотовый, в правый карман джинсов сунул брелок в виде винтовочного патрона с миниатюрным фонариком, в левый – китайский остро отточенный складень. Жаль, не было оружия посерьезнее – обязательно прихватил бы, но и складень был не лишним. Знал, конечно, что ни за что не пушу его в ход – духу не хватит, а все же выбираться в темное время суток вовсе без ничего было много страшнее. Я и книгу на животе стал носить после того, как кулак Жиги въехал однажды мне в «солнышко». Это у него привычка такая дурацкая – здороваться кулаком, вот и угадал в яблочко. Сколько я тогда отпыхивался на корточках – минут десять, не меньше. И тогда же наивно решил нарастить кубики мышц на животе. Во-первых, красиво, во-вторых, защита от Жиги и ему подобных. Ну, а пока этих кубиков не было, самым простым представлялось сунуть за пояс какой-нибудь старенький учебник. Вместо броневой пластины...

Перед тем как выскользнуть в прихожую, я подошел к своему рабочему столу, зажег лампу. Иначе Цаплю было не разглядеть. Это стало уже входить в привычку – в некую добрую традицию – уходя, обменяться с ней взглядом. Я приблизил лицо к фотографии, снова отдалил, прищурил левый глаз, потом правый. Цапля от этого ничуть не изменилась – как была, так и осталась удивительно загадочной. Волосы ежиком, в глазах легкая грустинка, на губах не улыбка даже, а бледное ее подобие – прямо как у Джоконды. Только Джоконда меня ничуть не волновала, а вот Цапля... И не красавица вроде, а точно код во мне какой-то срабатывал. Вроде новомодного QR-кода, по которому ныне и визитки шлепали, и библиотеки бесплатные скачивали. Только код – это всего лишь код, набор символов и только. Был штрихкод, теперь вот придумали похожую на лабиринт залипуху – и что? Фотки Цапلي по любому срабатывали мощнее любого кода. Я и в компьютере своем на заставку ее приклеил, и в телефон скачал. Иногда так включенным и клал в нагрудный карман – к сердцу поближе. Прямо шел и чувствовал – греет. Дома глазел на фото, в школе или на улице доставал телефон. Иногда казалось – как в скважину замочную подглядываю, она-то не знала ничего про меня, но все равно не мог удержаться. Само собой, и на страничку ее в соцсети забегал. Не очень она, правда, любила там тусоваться, но все-таки порой высказывалась, один раз даже галерею фоточек выложила. Откуда-то с Кубы – на фоне пальмочек и прибой океанского – в купальничке, в шортиках, в джинсах. Наверное, ждала от Ваню комментариев, а ему это по барабану было. В интернет он почти не заглядывал. Ну, а я фотогалерею, понятно, всю до кадрика скачал, кое-что и распечатал. Смотрел потом и сравнивал, пытался понять – где что лучше и почему. Идиотская все-таки штука – любовь! Болезнь похуже любых фобий. Однако предложи кто лекарство от этой напасти, пообещай стопроцентное излечение – и, фиг бы, этот лекарь меня изловил...

Я склонил голову набок – совсем как Цапля на фотографии, и губы сами собой расплзлись в глупейшей улыбке. Какая же она была славная – моя Цапелюшка! И хорошо, наверное, что тот же Ваню никогда не считал Цаплю симпатичной. Как-то по-разному срабатывало у нас с ним зрение: он смотрел на нее и не видел ничего особенного, а я никак не мог оторваться.

Про внешность вообще много судачат. И никогда ничего внятного не услышишь. Что красиво для одних, полное уродство для других, и так далее. Оттого и бесятся девчонки! Каких глупостей только не выдумывают! А всего-то и нужно – почаще советоваться с нами – с мужиками. Мы-то в женской красоте по любому понимаем значительно больше.

Скажем, Томка, моя одноклассница, – считает себя толстой и потому курит как паровоз. От курения у нее, разумеется, прыщи по всей физии, но она полагает, что лучше прыщи, чем килограммы. А в итоге получаем все ту же толстуху – только курящую да прыщавую. И у Галки нашей тоже угрей как пчел в улье – не кожа, а рашпиль какой-то. Она их и кремом тональным замазывает, и пудрит в три слоя, а все равно видно за километр. Прямо не лицо, а маска железного человека. Ночью встретишь такое чудо – в обморок хлопнешься. Подумаешь – вампир на охоту вышел... Или у Машки Никифоровой аж два подбородка, а у Кирки Зайцевой целых три – и тоже, понятно, страдают, ну а страдания пирожными заедают, кренделями с маком да птичьим молоком. Васёна, что сидит в классе сразу за мной, вовсе умом тронулась – насмотрелась по телеку пухлогубых звезд и тоже возмечтала о силиконе. Прямо бзик какой-то! Это каких мухоморов надо накушаться, чтобы всерьез поверить, будто с губищами, как у шимпанзе, можно стать привлекательной! Хорошо, силикон ей пока не по карману, так она полтюбика помады за раз изводит. За это ее к директрисе периодически таскают – мораль читают, мозги полощут. А лучше бы не мораль читали, а показали фотки нормальных актрис да певиц – без румян и помады – может, что и дошло бы. Про юбки-брючки-рюшечки, про ногти и ресницы накладные я даже не говорю. Тут у них прямо соревнование какое-то. Битва за кубок «Стэнли». Нет, ну реально же сами себя портят и обижаются потом, что никто к ним не пристаёт, эсэмэски не шлет, «лайками» не забрасывает. И получается полная ерундовина: с одной стороны – дисморфофобия, боязнь недостатков в собственной внешности, с другой – эремофобия, боязнь одиночества и желание поскорее влюбиться. А с такой дурной вилкой – любая крыша поедет – даже у взрослых, не то, что у наших пигалиц.

Я их за такие дела сперва презирал, а потом как-то вообразил, будто у меня тоже объявилась сестрица родная и что она такая же вот иксоногая да наманикюренная, с лишним подбородком и мусорным ветерком в голове. Представил, и так мне жалко стало наших девчонок. Нет, правда! – не змеюки же, не скопидомки, и учатся куда лучше парней, а про внешность ничегошеньки не пресекают. И кто их таких в невесты потом возьмет?

Ваню об этом я тоже как-то брякнул, но он меня живо успокоил. Посоветовал сгонять к районному Загсу и полюбоваться на тамошних мисс-невест. Ну, я выбрал денек и не поленился сбежать. И действительно успокоился. Потому что сделал для себя неожиданное открытие: в жены берут всяких – худых, толстых, румяных, прыщавых, маленьких и долговязых. Между прочим, встречались такие монстрихи, что я реально фигел! Нет, правда! Первые пары на крыльцо выходили – еще ничего. Не писк, конечно, но и убежать без оглядки не тянуло. Все в них цветами швырялись, на фото-видео снимали, принуждали целоваться. Но это ладно – нормальная издевка, свадеб без этой ерунды не бывает. Но вот после них одна за другой пошли парочки, от которых я прямо рот разинул! Мужики еще ладно – им красивыми быть необязательно, но с девчонками наблюдался полный капец. За несколько часов я там таких горгон да сколопендр насмотрелся – полный умот! И все, как одна, в белых нарядах с фатой, с колечками на пальчиках – счастливые, блин! И ведь не притворялись, честное слово! И женихи рядом грудки пыжили, на руки их подхватывали, побряхтывали довольно. Короче, по любому получалось, что и таких страхолюдных можно любить, в машины с мотоциклами сажать, подарками заваливать.

Честно сказать, я и сам на этот счет поначалу путался. До Цапли-то мне Вероника нравилась. Больше года нравилась, точно помню. А после я вдруг Наташку приметил. Или просто за парту ее со мной усадили, я и рассмотрел соседку – кареглазую, жеманную, всегда аккуратную, чистенькую. Словом, глядел какое-то время исключительно в ее сторону. Но потом что-то с ней приключилось – голос каким-то пронзительным стал, слова полезли ехидные, и все мои охи-вздохи разом кончились, я снова переключился на Веронику. Это уж такое состояние у детей – чтобы обязательно кто-нибудь нравился. Где-то я даже вычитал, что абсолютно нормально пребывать в состоянии перманентной влюбленности. И ненормально, когда этой влюбленности нет. Тогда кошки на душе скребут, волки на луну воют, и прочие тупые дела. Депрессуха, короче, и беспричинная злость на весь белый свет.

В общем, я снова запал на Веронику. Глазки у нее были с искорками, на щеках всегда играл симпатичный румянец, да и спортивная она была – подтягивалась больше некоторых парней, по канату до самого потолка лазила, как тут не влюбиться. Все тогда дружно любили Людку, а я Веронику. Людмила у нас, конечно, была прямой – ходила всегда с необычным причесончиком, ножки в гольфиках красиво так переставляла, короче, – умело себя подать. В меру пухленькая, звонкоголосая, яркая. Ресницы у нее были точно у куклы, она и моргала ими как актриса. Еще и колечки в ушах. В начальных-то классах уши еще не прокалывали, а Людка уже всю колечками козыряла. В общем, никто и не спорил о том, кто в классе первая красавица. И я про свою Веронику разумно помалкивал.

Но однажды игру у нас затеяли – как раз в моем любимом парке, на одной из полян. Должны были выбирать королеву дня – самую красивую, умную, удачливую и так далее. Шишки сосновые мы тогда в парке собирали. Их тогда еще много валялось, будущие лесорубы к парку только-только примеривались. Ну, и больше всех шишек нашли мы с Вероникой. Я – потому что знал, где искать, а Вероника – потому что шустрая была и за мной двигалась. Но у меня оказалось на четыре шишки больше, и мне позволили выбирать королеву дня. И выстроились, значит, наши девчонки в ряд, а позади меня учителя и мальчишки. Кто хмыкает, кто сопит завистливо, и никто не сомневается, что я выберу Людку. Самое смешное – и она не сомневалась – стояла так себе скромненько, глазки в землю потупила. Но это я уже потом разглядел. А тогда прошлепал напрямик к Веронике и протянул ей золоченую корону. Ну, корона-то пластмассовая, понятно, но сверху там краска такая была – вроде позолоты. И хорошо помню, как прошелестел по поляне хор шепотков – недоумевающих, возмущенных. Даже Вероника была поражена – вроде как обиделась за Людку. А я стоял дурак дураком и ничего не понимал. Вероника, между прочим, корону так и не надела, прошествовала на глазах у всех к Людке и водрузила ей на голову. Так вот получился конфуз.

Потом народ отпустили побродить по парку, и наши пацанчики, само собой, слетелись в кружок, чтобы побить меня, поучить уму-разуму. За Людку свою – да и просто так. И побили бы – я даже приготовился. Но впервые за меня вступился Ваню. Думаю, чихать ему было на мои синяки-ссадины, на мою внутреннюю драму, но вот жила в нем какая-то наивная справедливость. Уже тогда себя проявляла. Бить-то он заявился вместе со всеми, а как начали меня месить кулачками, вдруг взял да передумал. Расшвырял всех, как котят, и речугу пламенную произнес. Это мне тогда показалось, что пламенную. Не о том, конечно, говорил, что драться некрасиво, а о том, что, во-первых, толпой на одного – это стремно, а во-вторых, что шишек я собрал реально больше других, значит, имел право выбирать кого хочу. «Почему же Людку не выбрал? – заорали пацаны. – Веронику-то на фиг?» И вот тут Ваню выдал несвойственную детям мудрость. «Красота, – сказал он, – она разная. Кому-то коровы нравятся, а кому-то кобылы, чего неясного?» Думаю, нашим парням было многое неясно, но Ваню уже тогда имел кулаки, как у Кинг-Конга, а потому логика его убедила всех. Меня в тот день больше не трогали, хоть и косились с кривыми улыбочками, пальцами у висков крутили...

От невыносимых мыслей снова зачесался затылок. Это у меня природное – внутренний зуд немедленно переходит на какую-нибудь часть тела, и приходилось бешено чесаться. Я, кстати, так и определил, что я не чешусь, а мысли свои причесываю. Чем сложнее мысли, тем нестерпимее зуд. А сейчас вот зачесалось сразу в нескольких местах – под правой лопаткой, за ухом и где-то в области сердца. Ведь к Цапле-то моей все эти рассуждения напрочь не подходили. И прыщей у нее не водилось, и вторых подбородков с лишними килограммами. Да и улыбалась она как настоящая актриса. Не зря после ее появления в нашем классе, сразу три девчонки поставили себе брэкеты. Даже королева Людка! Никто, может, не уловил этой связи, а я сразу просек. Это они на улыбку Цапли отреагировали. Чутко и безошибочно!..

Я отклонился чуть вбок, пытаюсь поймать взгляд Цапли, но у меня ничего не получилось. Она и здесь предпочитала смотреть не на меня. Фотография лежала под стеклом. Двадцать один на пятнадцать, цветная – самая удачная из всех, что удалось снять с расстояния и втихушку. Я тогда специально у Димона зеркалку цейсовскую выпросил – в аренду на одну перемену. Расплатился парочкой сигарет и новенькой гелевой авторучкой. Конечно, «Canon» у Макса был куда круче, но, фиг бы, он дал им попользоваться! Он к нашей Цапле тоже неровно дышал. Но хватило и Димкиного агрегата – зеркалка сработала на славу. За перемену я успел отщелкать снимков сорок, а после скоренько перебрал себе на флешку и уже дома из всей этой кучи-малы выбрал один-единственный кадр. Зато и фотошопить ничего не пришлось, всего-то обрезал по краям лишнее и отнес в печать. Экран – экраном, а на бумаге оно куда надежнее. Уже через день, получив глянцевого сокровище в руки, я с предосторожностями переправил его под настольное стекло – чтобы, значит, Катенька моя Цаплина, в простонародье Цапля, всегда находилась рядом и перед глазами. Надо ведь чем-то радовать взор, а, кроме того, я не терял надежды установить с ней однажды связь. Все равно как по телефону или по рации. Умеют же определять всякие там экстрасенсы по фотоснимкам местоположение человека, его физическое состояние и прочие дела. Вот и я в этот фотоэфир верил точно дундук средневековый. Или хотел верить, не знаю. Короче, тупо налаживал связь – космическую, телепатическую или еще там какую. Смотрел Цапле в глаза и что-то такое про себя бормотал. Доброе и бестолковое. Волны-то – акустические и мысленные – не просто так расходятся, должен быть какой-то отклик. И мечталось, что в один прекрасный вечер Цапля тоже ощутит мое присутствие, встрепенется и сообразит, что есть на Земле такой неплохой парень по имени Петька Полетаев, что учится этот скромняга в ее родном классе, и было бы здорово обратить на него самое пристальное внимание.

Конечно, она и раньше обо мне знала, но как бы это выразиться помягче... Знать-то знала, но абсолютно не замечала. Что называется – в упор не видела. Как я, скажем, не замечаю, какие цветы растут у нас в палисаднике или что там валяется на дне мусорных баков. По барабану мне это. Вот и Цапле было по барабану мое существование. А ведь именно из-за нее мне следовало ползти с Ваню в городские катакомбы, из-за нее скручивать в тугой узел нервы и гасить дрожь в коленках. Только ведь не скажешь о таком, не признаешься! А даже если скажешь, толку будет ноль-нолевич, король-упыревич – еще и плечиком передернет, фыркнет пренебрежительно. Что ей – какие-то там подземелья! Сама бы она с Ваню (если позвал бы, конечно!), легко метнулась куда угодно. Глазом бы не моргнула. А мне вот не то, что в подземелье – просто на улицу выходить было жутко. Так и получалось, что сам я отлично знал, из-за кого рискую жизнью, она же об этом не имела ни малейшего понятия.

Я взял карандаш и вывел на листочке ненавистное словечко.

Фо-би-и...

Пририсовал к слову длинный хвостище и неприятную морду.

– Все ради тебя, милая! – шепнул я фотографии Цапли. – Жди, я скоро вернусь.

«Может быть», – добавилось у меня мысленно, но ответа, ясное дело, не услышал. Катенька моя Цаплина продолжала мягко и загадочно улыбаться. При этом глядела по-преж-

нему не на меня, а чуть в сторону. Увы, куда именно она глядела, я помнил прекрасно. Ведь я же и снимал ее в ту минуту. И знал, что глядела она на своего обожаемого Вано...

Глава 2 Коллекционер фобий

Понятно, вечерняя прогулка – не самое большое геройство, но вот – подвалы – это бр-р-р! При одной мысли о подземном холоде у меня коченели ноги, руки, и начинало мелко трепетать под ребрами. Если б не Цапля, ни за какие гаджеты не подписался бы на такое!

Есть, понятно, диггеры-дайверы, что в любые щели да норы суются – еще и удовольствие при этом получают. Да только кровь у них, верно, от каких-нибудь древних викингов, а таким безбашенным – чем страшнее, тем лучше – тем мощнее бурлит в их венах-артериях кровушка. А вот я экстремальных вещей во все времена сторонился. Не потому что трус, а потому что такие у меня фобии.

Если кто не знает, то фобии – это навязчивые страхи – порой откровенно тупые, но иногда и довольно мудреные. Малышня, скажем, боится темноты, женщины – одиночества, мужчины – собственной несостоятельности – и так далее. Понятно, что в пятнадцать неполных лет быть специалистом по фобиям нелепо, но я в этих сферах давно стал настоящим профи. По той простой причине, что кроме темноты боялся еще пары сотен всевозможных вещей. Слыхали про мальчика, который всего на свете боится? Вот это я и есть. Конечно, не тот лопушок, которого в «Приключениях желтого чемоданчика» показывали, но что-то около того.

Между прочим, из-за этих самых фобий я и к Цапле подходить боялся, из-за них получал тройбаны с двояками, а в школьной табели о рангах (неофициальной, разумеется) терся у самого доньшка. Статус даже не третьего сорта, а четвертого или какого-нибудь пятого-шестого. Сказать по правде, даже сближение с Ваном не слишком меня приподняло. Потому что фобии – это как болезнь, и никуда от них не денешься.

Мимо проехала машина – подозрительно тихо, с потушенными фарами. В фильмах из таких жестянок обычно любят открывать огонь по несчастным жертвам. Я и сейчас чуть ли не воочию увидел, как бесшумно опускается вниз боковое стекло, а наружу прорастает автоматный ствол. Сердце предательски екнуло, я торопливо шагнул с тротуара в кусты, пригнул голову. Ну, да! – вот и две черных фигуры, что за мной шарашились, – немедленно встали, головами крутить начали. Наверняка – меня высматривали! Я вовсе присел на корточки, задержал дыхание.

На отдалении зазвучали голоса, и я разглядел беспечно вышагивающих мамаш с колясками. Надо же быть такими отважными! Шлепают себя, спектакль какой-то обсуждают... Я снова огляделся. Фигуры зловещих преследователей свернули куда-то в проулок, жутковатая машина также свалила. Я осторожно выпрямился. Все было, конечно, полнейшей чепухой, никто меня не преследовал. Еще один стародавний страх. Самое стыдное, что даже не из реальных он родился, а прямым из детских снов, где я вечно убегал от каких-нибудь монстров, пытался прятаться, закрывать глаза и шептать заклинания.

Между прочим, откуда берутся фобии, почему не исчезают они с годами – никто толком не знает. Врачи с психологами без устали спорят, диссертации строчат, а людям, как в дремучую старину, микстурки прописывают, таблетки дорогушие. Совсем даже не те конфеты храбрости, а всего лишь дурные транквилизаторы. Проще говоря – снотворное. Слопал – в сон тебя потянуло, забываешь на пару часов о любых страхах. Потому что мысли набекрень, и сам словно овощ вареный становишься. Такое вот примерно лечение. И потому – лучше уж мучиться да ожидать, когда откроют что-нибудь действительно стоящее. Только вот – сколько ждать – вот в чем вопрос! Понятно, есть счастливики, что живут вовсе без фобий, кому-то достается одна-единственная, а мне вот этой мерзости привалило два вагона с тележкой! Оттого и жизнь была, точно у яйца всмятку только без спасительной скорлупы. Разумеется, я завидовал тем, кто жил вокруг на полную катушку, не опасаясь высовывать голову из-за баррикад, драться с пацанами во дворе, шутить с девчонками вроде нашей Людки или той же Цапли, спорить с преподами. Самое удивительное, что ведь много таких набиралось – бесстрашных, словно кощей бессмертные! Верная половина земного шарика! Ну, или добрая треть. А я вот продолжал бояться. Не чего-то конкретного, а разного и понемногу. По этой самой причине и перечел массу всевозможной чепухи про агорафобию, герпетофобию, клаустрофобию и еще триста тридцать три подобных фигофобии.

Отчасти чтение меня утешило, поскольку многих страхов я у себя не обнаружил. Скажем, гелиофобии, боязни солнца, у меня точно не было, скорее – наоборот, солнышко я очень даже любил. И точно так же не обнаружил я у себя ни малейших признаков аблютофобии – иначе говоря – страха перед купанием. Как поплыл однажды, зашлепал руками по воде, так и перестал бояться. Словом, на несколько сотен официальных фобий у меня отыскалось всего-то десятка три-четыре. Посчитать – так меньше десяти процентов, но легче мне от этого не становилось. Разве что литературу шерстить научился более активно – искать тут и там противоядия да лекарства. Ничего, понятно, не нашел, зато обнаружил, что умею читать очень даже немедленно. Ну, то есть – практически по диагонали. То ли страх к тому подстегивал, то ли еще что. Зайцы, как известно, тоже быстро бегают. А точнее – убегают. Вот и я страницы перелистывал, точно заправский спринтер. Столько мусора в голове осело – прямо жуть! Все равно как хлама на старом чердаке. Оттого, верно и чесалась голова. С чердака-то можно все влегкую выбрасывать, с мозгами все обстояло куда сложнее. Знания – их ведь надо либо забывать, либо как-то использовать, а как тут используешь, если говорить про такое не с кем? Ну, правда, кому в школе интересно, если я начну болтать про отличие гаптофобии от дентофобии или, скажем, возьмусь объяснять, что кинофобы – это не те, что боятся кинотеатров, а те, что боятся собак? Понятно, что темочка занимательная, но кого ж такое волнует?

Кстати, тогда же я вычитал, что ряд ученых всерьез полагают, что причины фобий лежат в наших прошлых жизнях. Если, значит, в прежней жизни ты утонул, то теперь у тебя будет водобоязнь, а если кого-то убило молнией, так тот станет непременно трястись при любом грозном разряде. И про свои фобии я тоже пытался что-нибудь этакое выкопать, да только в моем случае это очень напоминало распутывание рыбацкой снасти. Одни фобии цеплялись за другие, скручивались в петли, образовывали немислимые узлы.

Скажем, людей я боялся больше замкнутого пространства и потому предпочитал держаться в тени, уши затыкал ватными тампонами – от голосов да криков. Однако трястись в одиночестве да тишине тоже было страшно, и поневоле приходилось выползать на поверхность, вливаться в ряды одноклассников. Тупик, короче, и полный абзац. Тут скверно, и там не фонтан. А начнешь выделяться, народ на смех подымет, что тоже жутко. Чтобы такого не случилось, я начал мимикрировать – иначе говоря, старался ничем не отличаться от одноклассников, так же шутил и гримасничал, ходил на голове и по головам, говорил пошлости и гадости – словом, по возможности сливался с окружающей средой. С некоторых пор я и жизнь свою стал рассматривать как актерскую роль. И получалась полная муть: все вокруг жили, а я вечно кого-то изображал. Все ржали, и я хохотал, надо было фыркать – и я фыркал, и глупости всевозможные бурчал, и на переменах убежал вместе со всеми «покурить», хотя табачного дыма на дух не переносил. Понятно, меня никто не слушал и никому не было интересно, куда я и с кем бегаю, однако эффект присутствия создавать все-таки получалось. То есть, вроде как пустое место, да не совсем. Опять же с Ваню удалось скорешиться, а это многого стоило! Уж он-то был точно из берсерков – грохотал по жизни атомным ледоколом. И про класс наш говорили примерно так: «А-а, это тот, в котором Ваню учится?..» И ведь мы реально гордились! Все равно как выпелом каким! И про подземелье я сам по собственной дури ему проболтался. Осведомленностью, балбес такой, хотел похвастать. Рассказал про огромный монолит неизвестной природы, с которым столкнулись наши метростроевцы. У меня дядька там работает – он и рассказал как-то за рюмочкой чая – о том, что австрийский робот-проходчик («Щит» называется) у них форменным образом застрял, а бур новейший сломался. Поставили новый – и он в крошево. А когда попытались взрывчатку использовать, аппаратура по всей шахте взяла и вырубилась. Бригада взрывников на койки больничные угодила – с какой-то необъяснимой амнезией. Словом – полная мистика. Вот я Ваню все эти туманные подробности и выложил. Знал, что любит он всякую жуть. Через свой язык и погорел – Ваню-то у нас все окрестные пещеры с подземельями облазил. Рассказывал, что с диггерами под город несколько раз спускался – крыс-мутантов искал, пауков-людоедов ловил. А когда про дом с призраками кто-то по сети фейканул, он и туда ломанулся – ночь целую привидений по углам да коридорам шугал. Нехило, да? Это к вопросу о том, кто и что ищет. Я, значит, фобии в справочниках искал, а Ваню за реальными призраками охотился. Он и тут в меня мертвой хваткой вцепился, чтобы путь-дорожку показал – к монолиту этому. Дядька говорил – трещину в нем какую-то обнаружили – с «бальши-и-ми» странностями. Даже уфологов из Питера вызвали, потому как приборы фонят, головы у рабочих болеть начинают, сердцебиение нехорошее – и все такое. Вот в эту самую трещину-затрещину нашему Ваню и загорелось слазить. Мне же снова пришлось мямлить да обещать несуразное, потому что Ваню я тоже боялся – может быть, даже побольше иных подземелий...

Досчитав до сорока и дождавшись, когда авто скроется вдали, я выбрался из кустов. Такие вот, значит, дела... Стыдно и горько, но даже своего родного города я боялся. Потому и завидовал тем, кто ездит на дачи или куда-нибудь в уцелевшие деревеньки. Милое дело – сел за руль, нагрузил в багажник разной всячины – и погнал. А если нет такой возможности? Если вся родня – из потомственных горожан, а на покупку дачи (да и машины тоже) семья так и не сподобилась? Сказать по правде, меня сроду никуда не возили – ни в Турцию, ни в Грецию, ни даже в самую ближайшую деревушку Новосветловку. Казалось бы – должен стать патриотом

кирпича и цемента, да только – аюшки с кренделем! Не стал. Вместо этого взял и полюбил парк, что располагался в трех кварталах от моей панельной пятиэтажки. И так полюбил, что изучил его вдоль и поперек – до последней тропки и последнего деревца!

Вот скажите мне, можно ли пересчитать деревья в лесу? Вопрос – тупее не придумаешь! В лесу, конечно, нет, а в нашем парке дело это оказалось вполне реальным. Во всяком случае, число деревьев я определил совершенно точно – ровнехонько 6 723. В основном росли, конечно, тополя, но попадались и липы с яблонями. Сосен, скажем, уцелело всего-навсего восемнадцать экземпляров, а моих любимых кленов осталось только пять штук. А теперь делайте выводы о моих чувствах к парку, поскольку подсчетами древесных пород я занимался не одну неделю. Да и не только в подсчетах тут было дело. Парк я возлюбил давным-давно. Именно сюда мы выбирались с родителями на пикники (это когда я был совсем мальком), здесь же играли в бадминтон с отцом и дядькой метростроевцем. Да и позже я частенько прибежал в парк прятаться от жизни, поскольку в давнем том парке у меня имелось собственное надежное логово (в кустарнике подле уцелевшего фундамента бывшего спорткомплекса), а на одном из ветвистых кленов таился похожий на гигантское гнездо домик. Периодически их, понятное дело, разоряли, но я терпеливо восстанавливал все обрушения – чинил и латал до тех самых пор, пока в парк не вторглись строительные бульдозеры. Вот это стало реальной катастрофой! Я и на бульдозеры с грузовиками глядел, точно на вражеские танки. Ясно было, что тягаться с ними бессмысленно, да я и не тягался. Ежедневно прятался где-нибудь на отдалении, наблюдал, как сотнями валят деревья, как кромсают экскаваторными ковшами знакомые лужайки, и утирал ползущие по щекам слезы.

Но это было давным-давно, а сейчас я больше не прятался, шагая к ребятам на вечерний променад. То есть, это я его так называл, одноклассники, верно, и слова такого не знали, именуя мероприятие проще – сэйшн или вовсе тусня. Для родителей я «играл и гулял», хотя после восьмого класса никто уже не играет и не гуляет. Тут уже рулят другие глаголы: тусить, кучковаться, мутить движуху и так далее. Хотя разобраться по сути – ничего мы там не делали. Тупо гробили время, били баклуши, валяли дурака – мусолили темы, мутили мозги. А что еще делать, когда тебе вот-вот грянет пятнадцать, а ты ни ухом, ни рылом не вылез в пятнадцатилетние капитаны? Впрочем, это я малехо загнул. В нашем классе «Пятнадцатилетнего капитана» тоже, вероятно, один только я и читал. Да еще, может, Катя Цаплина. Были, конечно, и другие головастые ребята – серьезные да усидчивые – вроде Эдика с Людкой, но те читали исключительно учебники, а в свободное время дудели в какие-нибудь кларнеты или истязали себя в секциях. Кто-то с репетиторами к ЕГЭ готовился, а иные и на вузы уже прицеливались. С выбором профессии я тоже одно время маялся – а потом вдруг понял, что нет в нашем городе «вуза», в который мне хотелось бы поступить. А уезжать в далекое далеко, где будет институт поприличнее, но уже не будет моего родного парка, отчаянно не хотелось. Жутко было. Прямо до озноба в копчике. Я бы и на сегодняшнюю тусовку ни за что не пошел, если бы она в другом каком месте затевалась. Но в парке – да еще с Цаплей да в компании с Ваню можно было немножечко потерпеть...

В рассеянности я поднял голову. Светофор подмигнул мне желтым, чуть подумал и выдал красный. Наверняка собирался переключаться на зеленый, но увидел бледного да неоперившегося птенца и мстительно резанул запреткой. Это, значит, я так подумал. Потому что у всех своя судьба и своя дорога. А моя, получается, – вечно торчать перед «красным», перед нагромождениями баррикад и таящимися засадами. Кто бы другой разобиделся, а я притерпелся – потому и перебежал дорогу наперекор светофору. Какое-то далекое авто сердито бибикнуло, но я прыгнул за парковую калитку и там уже расслабился. Поскольку очутился на своей спасительной территории.

В моем родном парке!

Глава 3 Парковчанин

Наверное, не меньше тысячи раз я приходил сюда, а оскомина так и не появилась. Потому что малые родины не приедаются, и все такое. Потому что здешние травы и кочки, тишина с воздухом – все это было мое. И даже страхи здесь, в родном парке, были тоже «родными». Звучит глупо, но так оно все и обстояло. Я и на статейку занятную однажды набрел – про пользу ужасов. Автор там прямо из кожи вон лез, чтобы оправдать восторги, которые испытывает большинство обычных людей при контакте с пугающими произведениями мировой литературы. То есть, вопросы прямо так и формулировались: почему людям нравится пугать других людей? Почему людям нравится бояться? И вывод автор делал самый банальный: потому, что страх – одна из наиболее естественных природных эмоций, и отрицать его роль в развитии человечества – верх невежества. Заканчивал же этот мудрец совсем уж мажорно, убеждая, что страх – это вполне здоровая эмоция – такая же, как любовь, ненависть и зависть. А посему, дорогие читатели, бойтесь не страха, а того, что однажды вы разучитесь бояться, любить, ненавидеть, завидовать. Потому что означать это будет только одно: вы умерли для этого мира и умерли безвозвратно...

Такая вот развеселая статейка. Я даже вырезал ее и под стекло примостил. Рядом с фотографией Цапли. Жаль только сомнений моих она не развеяла. Я-то, по логике автора, был сто процентно живым землянином – потому что боялся – и еще как!

Книжка на поясе съехала вниз, и, поправив ее, я активно закрутил головой. Глаза поедали пространство, и тоненько тикало в груди – сладко и немного болезненно. Потому что парк снова чуть-чуть *изменился*. Может, кто и не замечал подобных пустяков, но я эти ежедневные перемены наблюдал отчетливо. Тут обломили ветку, там кто-то земляцы себе накопал, а к старым сорочьим да вороньим гнездам прибавилось еще несколько мохнатых шапок.

Вот почему у них такие безобразные гнезда? Нормальные-то птицы стараются – плетут травинку к травинке, все щели затыкают, а эти накидают веточный ворох, умнут кое-как лапами – и готово! В общем, парк постоянно менялся. Когда-то большой и мохнатый от листвы и зарослей – совсем как медведь, в шкуру которого можно было легко зарыться, – теперь он съезжился чуть ли не вдвое. Конечно, тайгой мой парк никогда не являлся, но все-таки это было кусочком настоящего леса. Вплоть до того черного дня, когда шустрые градостроители оттяпали от парка хороший ломоть. И не ломоть даже, а добрую половину – с дюжиной классных полян, с моим любимым оврагом, с массой сосен и рощицей кленовых деревьев. Скоренько вырубив «ненужный» лес и зачистив сектор, навезли гравия с плитами и в три-четыре месяца выстроили здоровенный торговый центр – с автостоянкой, с бетонными заездами и серией эскалаторов. Короче, облагодетельствовали. Еще и название дали вполне соответствующее: «АЛЛЕС». Типа, от немецкого: «Всё». Имелось в виду обилие товаров, но я тогда так и перевел для себя: всё – значит, копец и конец. Моим детским воспоминаниям и играм в прятки, прохладным теням и уютным вылазкам в кленовые дебри. На месте полян теперь раскинулась обширная автостоянка – сотни на три-четыре таратаек, а там, где некогда хрустели под ногами сосновые шишки, теперь высилась бетонная громада «АЛЛЕСА». Они и оставшийся парк как следует проредили – срезали все кусты, сровняли бугры и холмики, аккуратно засыпали малейшие ямки. Заросли Иван-чая, клевера и одуванчиков исчезли, вместо них повсюду насадили мелкорослой европейской травки. Пытались еще и деревья расставить в шахматном порядке, но тут у них то ли денег не хватило, то ли терпения. А то получилось бы совсем как в каком-нибудь парке Тюильри. Звучит-то красиво, но кто-нибудь видел этот парк? Я-то его подробно изучал – на фотках, на видео, в форумных описаниях. В общем, не парк, а полная ржачка – все ровненько, по ранжиру, даже количество веточек у деревьев с каждой стороны примерно одинаковое. А главное – все это на каменной площади, и сами деревья не в земле, а в дере-

вянных кадлушках! Прямо как в цветочных горшках. Мой дядя как-то на Южном Урале отдыхал, потом рассказывал, что у них там тоже какие-то хитрованы перед выборами по деревне прошли и все горшки с цветами у населения временно изъяли. А после в землю сажали – прямо перед зданием администрации, чтобы к приезду большого чиновника все было красиво. Выкапывали наспех ямки и прямо с горшками эти цветы туда втыкали. Ну, а потом уж сельчане приходили, отыскивали свое родное и обратно выкапывали. Смех смехом, но и наш парк пытались причесать такой же нелепой гребенкой. Вроде и осталось что-то отдаленно напоминающее лес, да только от прежнего колдовского величия уцелело немного. А вместо птиц динамики установили в разных местах, провода протянули – попугаи, павлины стали орать – ну, круто же! А поглядишь – в реалиях одни вороны с сороками. Опять же запахов добавилось от автостоянки. Ее и прежний парк вряд ли сумел бы осилить, а нынешний – прозраченький да съезжившийся – покорно глотал и с нами делился...

Я свернул направо и испуганно тормознул. Дорогу юрко перебежала крупная крыса. Увидев меня, тоже шаркнулась в сторону, столкнулась с пластиковой беспризорной бутылкой, перепугалась еще больше. Мне стало смешно. Выходит, и меня можно было бояться – тощего восьмиклашку с большими ушами и бледным личиком, с полным отсутствием каких-либо заметных бицепсов-трицепсов и прочего мужского рельефа. Но крысу-то реально чуть инфаркт не хватил! Она же чуть под ноги не угодила – и не к кому-нибудь, а к монстру двуногому, жуткому и всесильному троллю! Так ей, должно быть, подумалось. Куценькая мысль прибавила бодрости, и я зашагал веселее.

В южной аллее наших не оказалось, на центральной тоже. Значит, шлепать следовало в северную – самую дальнюю и тоскливую. Там меня как-то покусала чужая собака, там же отобрали однажды мелочевку и надавали тумачков. А еще там высматривала себе местечко для красивой смерти наша школьная «горькая» парочка: Паша и Маша. Есть у нас такой симпатичный дуэт, обожающий помечтать о дружной кончине всего человечества. Об этом они могли трендеть с утра и до вечера – про способы ухода из жизни, про сценарии конца света, про то, как хотелось бы им выпорхнуть в мир в новом обличье. Паша при этом очень интересовался теориями многожизненности, Маша усиленно ему поддакивала. Хотя кто там у них был первой скрипкой, это еще следовало разобраться. Пашка-то, дурачок такой, больше во все это игрался, а вот в Машины глазки я и заглядывать боялся. Заячьим своим нутром за версту чувствовал в них вязкий и темный омут. Знаете, есть такие оценивающие взгляды – только одни высматривают, как бы кого охмурить, кому бы в рыло съездить или с кем потусить, а Машка смотрела совершенно иначе – точно и впрямь выбирала попутчика на тот свет. Вот на бедного Пашку выбор ее однажды и упал. Ну, и потянула его за собой – все равно как паучиха, облепив сетью.

Что там у нее в мозгах творилось, если честно, я и не пытался разобраться. Но есть ведь субъекты, что на полном серьезе и с самых юных лет примеряют на себе саван. Эдик, наш первый энциклопедист класса, именовал это разновидностью эскапизма. Все ведь кругом на этом повернуты. Кто от жизни убегает, а кто от собственного опостылевшего образа. Серьга величиной с ладонь – эскапизм, дурное тату, плеер в ушах или волосы крашенные – то же самое. Ваню с Эдиком обычно не спорил, но в данном случае решительно вмешался. В самую первую неделю учебы они и сцепились. Паша на перемене завел речь о палачах и смерти – видать, за лето поднабрался фактов – вот и взялся рассказывать о музеях с мумифицированными телами, об орудиях пыток, о наиболее распространенных процедурах казни. И конечно, всякий раз сворачивал на свою излюбленную тему.

– Или вот – Петр Первый... Вроде образованный человек, даже талантливый, но ведь собственноручно пытал и обезглавливал. Спрашивается – зачем? Говорят, псих неуравновешенный, а может, он истину таким образом искал? Смерть – это ведь самая большая загадка – вот он и хотел понять, что чувствуют умирающие?

– Вот и экспериментировал бы на себе! – возмутился Геняч.

– На себе много не наэкспериментируешь. Всего одна попытка, – резонно возражал Эдик. – Потому и приходилось проводить опыты на посторонних, наблюдать, делать выводы.

– Ну, да – где там свет, а где и со свечечкой надобно поплутать, – хмыкнул Лешик.

– А что, свет в конце тоннеля – подтвержденный факт, – Паша авторитетно покачал головой. – Многие об этом свидетельствовали после клинической смерти. И гипнотизеры из своих пациентов массу информации вытянули – о прошлых жизнях, о моментах перерождения. Только это обычно скрывают...

– Ну, что за ерунду вы мелете, кто скрывает-то? – вмешалась Вероника.

Маша, сидящая тут же, метнула в ее сторону ненавидящий взор. Вероника этого даже не заметила, а я, конечно, поежился. Уж Маша-то в мундире палаче точно бы не заскучала. Тоже всю бы экспериментировала с народом...

– Конечно, скрывают! – с жаром заговорил Паша. – Если узнают правду, сами подумайте, что начнется. Сразу все ломанутся с Земли. Здесь-то нам что ловить?

– А там что?

Паша вздрогнул, а народ невольно поджался. Это в класс зашел Ваню. Сходу швырнув свой ранец на законное место, он открыто прошлепал к Пашке.

– Вижу, не поумнел за лето – снова разводишь мракобесие?

– Почему мракобесие?

– Потому что только такие придурки, как ты, клюют на всю эту лабуду.

– Он не придурок! – отчеканила Маша, но Ваню от нее попросту отмахнулся.

– А ты заткнись. Знаю, с чьего голоса этот воробей чирикает. Вместе, небось, по кунст-камерам бегаете, вены гвоздиком ковыряете.

– Урод!

– Дура! – спокойно отозвался Ваню. – А на дур не обижаются. Мне Пашку жалко. Я же помню, как мы с ним носились по этажам в первом классе. Нормальный был парень, через семь ступенек легко прыгал, а теперь что? Глаза в кучку, мозги набекрень?

– Чего это набекрень? – набычился Паша. – Я правду говорю.

– Ну, да. Там ведь, на том свете, все прямо на стены лезут от тоски – скучают по Паше Свайкину. Прямо мечтают обнять и накормить йогуртом. Только другим вас там накормят – промолчу уж при дамах. А после хорошую клизму впендюрят – и на сковородочку. В такое даже я, атеист, легко верю. Дураков, как и козлов, надо учить.

– Почему дураков-то?

– Потому что вопросы тупые задаешь. Ты здесь десантом высажен. Тут твой плацдарм – и тут твое задание.

– Какое еще задание? – Пашка задиристо встопорщился. – Выжить любой ценой?

– Это идиоты так думают. Потому что думать не умеют, и мозги за лето отсыревают. Ну, и отдельные овцы с козами, – Ваню ухмыльнулся в сторону Маши. – Выжить – да, но про цену – это ты с папашей своим покалякай. Может, он тебе объяснит.

– При чем тут папаша?

– Притом что мало сына за уши драл.

– Да он вообще меня ни разу пальцем не ударил!

– Оно и видно! – Ваню рассмеялся. – Расслабились, твари! Пальцем не ударил... Пальцем у виска крутят и в носу ковыряют, а для удара имеются иные приспособы.

– Чего ты вдруг в бочку-то полез?

– Это ты у меня сейчас полезешь, – Ваню стремительно заводился, это все видели. – Одни, значит, за кордон лияют, другие в райские кущи намылились! А нам, значит, без вас корячиться?

– Кто вас просит корячиться. Тоже можете уходить.

– Куда?! – Ваню даже по голове постучал – сначала своей, а потом и по Пашкиной. – Вы здесь, муфлоны безрогие, попытайтесь рай смастерить. Здесь ваши родители и горшки детские.

– Предлагаешь им за горшки детские биться? – ехидно поинтересовался Геныч. – Они уж забыли, что это такое.

– Так я напомним, – сурово посулил Ваню. – Потому что не фиг на огороды соседские заглядываться. Там вас стопудово капканами встретят.

– Не-е, их там йогуртом накормят, вискариком напоят, – хохотнул Лешик и огреб от Ваню звонкую затрещину.

– Ты чего?

– Ничего! – отрезал Ваню. – Тема гнилая, и закрыли базар. И чтоб больше ни слова про эту ломоту. Ты понял меня, Пашунь?

Пунцовый как рак, Паша сдержанно кивнул.

– Вот так. Со следующей недели лично буду у вас ручонки осматривать. Попробуете на тот свет податься, догоню и наизнанку верну...

Такой вот веселый вышел разговор. И ведь получалось у Ваню сдерживать их. Я-то видел, что Машка – она безбашенная, никого и ничего не боится. Сначала молчит-молчит, а потом так вдарит или скажет что – мало не покажется. Хоть своим таким же, хоть даже директрисе. Но перед Ваню и она пасовала. Не робела, нет, но и наглеть – не наглела. А, в общем...

Не мог я их понять. Потому как пробовал влезть в их шкуру, и ни разу у меня ничего не вышло. Даже мне, со всеми моими страхами перед жизнью, с тотальным пренебрежением товарищей и безответной любовью – совершенно не хотелось вскрывать себе вены, вешаться или стреляться. Да и чего ради? Страх – штука не сладкая, но и с ними ведь живут. И любовь, пусть самая безответная, – чувство тоже здоровское. Типа – как бред горячечный, вроде и плохо тебе, а приятно. Дело-то ведь не в том, кто там и кого охомукает – ну, или не только в этом. Тем более что случай Паши и Маши был совсем иного рода. Тут не любовными драмами пахивало, а откровенной шизой. За что и бит был Паша тем же Ваню не раз и не два. Тема суицида Ваню всегда бесила. И получался в итоге театр. Или цирк, не знаю уж – что точнее. Поскольку, наслушавшись в первый раз Пашкиных пространных рассуждений о преимуществе ядов перед гильотинами, виселицами и огнестрелом, Ваню форменным образом поколотил чудака. На глазах всего класса и той же возмущенной Машуни. Темный омут в глубине ее глаз Ваню ничуть не пугал, и Пашино лицо он попортил весьма основательно – порцию-то жертва получала фактически за двоих – в смысле за себя и за того парня. Ну, то есть, не парня, конечно, а девицы. И угрозу Ваню сформулировал предельно вульгарно:

– Еще раз эту хрень услышу, нос с ушами оторву. На третий раз ребра переломаю, а после и вовсе в землю вколочу. А подружку твою наголо обрею и голой по городу гулять пущу. Все ясно?

Паша тряс разбитой физиономией, потрясенная Маша тоже безмолвствовала. При этом оба видели, что класс, это «стадо баранов и пофигистов, аморалов и циников», все-таки берет сторону Ваню и при любом раскладе готов поддержать любые репрессии в отношении роковых мечтателей.

Само собой, мечтать они продолжали. Но больше все-таки про себя и крайне осторожно. Вот и на этом вечернем променаде, скорее всего, их не было. С легким сердцем вернулся бы домой и я, но здесь меня ждал Ваню, здесь тусил актив класса, а значит, обреталась среди прочих и Цапля. Короче, нельзя мне было пропускать подобные сборища. Из-за Цапли и чтоб народец не забывал, что существует на свете такой Петр Полетаев из 8 «Б». Смешно, наверное, но мне, в самом деле, казалось это важным. И даже когда в «Ревизоре» я как-то наткнулся на откровения Бобчинского, то в первый момент прямо офонарел от похожести. То есть, в классе все, понятно, ржали – и я ржал, но про себя-то мечту Бобчинского оценил на все сто – это когда, значит, он упрашивал Хлестакова насчет царя и вельмож. Мол, будет случай,

передайте им всем, что в таком-то городе живет и коптит воздух Петр Иванович Бобчинский. Так, мол, и передайте! А зачем, для чего? Да чтоб засветиться! Что тут непонятого? Любой ценой. И не ради какого-то Олимпа, а просто чтобы не чувствовать себя пустым местом...

Впереди мигнул красный огонек, скользнул по темному древесному стволу, сполз на землю.

Сердце в груди болезненно стукнуло, я споткнулся и замер. В последней серии «Снайпер» за такой же сценой следовал выстрел, а после – придушенный вскрик и падение мертвого тела.

В нормальную голову подобная мысль вряд ли пришла бы, но я со всеми своими фобиями даже не особо ей удивился. Только бумкнуло в голове раз-другой, и захотелось метнуться за ближайшее дерево, а там зайчиком-попрыгайчиком на четвереньки и рвать во все лопатки. Все равно как той перепуганной крысе. Только попробуй – скройся в таком выбритом лесочке. Все как на ладони – голенько, аккуратненько – стреляй, не хочу.

Дразнящим зигзагом световая точка загуляла по траве, а мгновением позже из-за моей спины выскочила шумно сопящий ротвейлер и бросился ловить «зайчика». Опс!

Я с трудом повернул голову и разглядел коренастого мужчину, неспешно бредущего по тропинке. В одной руке он держал сложенный петлями поводок, в другой миниатюрный лазер – из тех детских, что продаются в уличных киосках. Я с облегчением перевел дух и даже мысленно назвал мужика красавой. А что? Нашел простое решение! Чем тянуть такую зверюгу на поводке, проще воспользоваться плодами цивилизации. Нажал кнопку – и гоняй четвероногого друга по всем кочкам. Нет, ну, правда, красава!

Огненное пятно запрыгало по земле, и, проделывая уморительные кульбиты, здоровенная псина начала припадать к земле, совершая скачки вправо и влево, пытаясь поймать неуловимую искорку.

А в следующую секунду я услышал отдаленный смех и тоже рассмеялся. От облегчения и понимания, что «свои» близко. Фобии вновь вынуждены были расступиться. Живой и невредимый, я наконец-то добрался до своей цели.

Глава 4 Променад

Если выразаться точнее, народ, конечно, не смеялся, а гоготал. Не учили у нас в школах красиво смеяться. И улыбаться не учили, и говорить, если честно, тоже. Вроде и был даже предмет такой – риторика, только что мы там делали, я и сейчас толком не вспомню. Скорее всего, ничего путного, поскольку как бурчал наш Миха себе под нос, так и продолжал бурчать, как мямлили мы у доски, умирая от косноязычия, так и продолжали умирать. Кое-кто из девчонок в начальных классах изъяснялись даже более по-человечески, – сейчас все больше фыркали да жеманно тянули жаргонные словеса. «Да ты чё-ё? Зашибись... Приколи, реально тебе говорю...» – ну, и в таком вот приблизительно духе.

В общем, народ гоготал, и на этот самый гогот я вышел, как на проблеск маяка. Мое появление, кстати, тоже было встречено ожидаемым аудиовсплеском:

- О-о, Полетай припорхал! Отпустили, что ли? Мама с папой?
- Да он реально сбежал! С балкона на простынях спустился.
- Вау! Хой-ёоу!
- А-аа!..

И так далее – в такой же примерно тональности. Еще и Юрка Жигунов временами старался – изображал, обалдуй такой, соловья-разбойника. Хотя свистуном он действительно был мощным. Закладывал три пальца в рот и выдавал такой колоратурный пассаж, что уши закладывало. За что и получал по заливку справа и слева. И, конечно, довольно гоготал, воспринимая затрецины, как высшую похвалу своему свисту. Добавьте к этому вопли павлинов с попугаями, которых наши остряки, разумеется, тут же принимались передразнивать – и получался редкой пестроты концерт. Не во всяком зоопарке услышишь.

Так примерно мы и тусовались. Лешик, самый бойкий на язык, без конца сыпал островами и анекдотами. Народ с готовностью реготал. Иногда кто-нибудь из девчонок взвизгивал, парни тут же отзывались утробным уханьем и ревом. Я даже как-то подумывал – не записать ли все эти вопли да рыки на аудио, а после прокрутить на классном часе. А лучше на уроке биологии. Не знаю, как бы отреагировал учитель, а Дарвин, создатель теории видов, точно был бы доволен.

Впрочем, и у нас водились свои молчуны, свои аристократы. Тот же Макс сидел чуть в сторонке – как обычно на своей спортивной «Хонде» в двести кубиков и в общем гаме не участвовал. Он в нашем классе тоже появился сравнительно недавно – всего-то в прошлом учебном году, практически вместе с Цаплей. Впрочем, в коллектив, благодаря денежкам и шустрым от природы мозгам, вписался быстро и легко, но мне всегда казалось, что коллектив-то его как раз не интересовал. И девчонки наши его тоже не интересовали – никто, кроме Цапли.

Он и сейчас вдруг негромко принялся насвистывать знакомый мотивчик. Я бы не обратил внимание, но, чуть обернувшись, Цапля метнула в его сторону цепкий взор, и я сразу припомнил эти залихватские строчки: «Baby, you can drive my car...» Ну, конечно! Что еще мог выбрать этот хитрец, сидя в седле? Разумеется, «Битлов» – и именно эту песню. «Хонда», конечно, не «car», но тоже очень даже ничего, потому Цапля и отреагировала, как положено девчонке со слухом и вкусом.

Тут тоже таилась своеобразная тонкость. Галдящая толпа, конечно, ничего не заметила, а между ними словно зыбкий мостик протянулся. Макс, точно человек-паук, выбросил липкую нить паутинки, и Цапля ее поймала. Тут же, понятно, выпустила, однако и этим маленьким успехом красавчик Макс остался, похоже, доволен. Он и меня поймал в прицел своих темных глазниц, губами изобразил усмешку победителя. В качестве свидетеля и конкурента я его ничуть не беспокоил, а вот мне его взгляд решительно не понравился. Это толстокожему Вану

были до лампочки все наши зыбкости да тонкости, но я-то понимал прекрасно, что после Ваню главным соперником у меня значился Макс. Умный, циничный, а главное – отлично понимающий, что наша Цапля и не цапля вовсе, а настоящая принцесса. Другие этого не видели, а Макс, гад такой, видел прекрасно...

– А-а-а! В сторону, гопота!

Маяк с Жорой едва успели отпрянуть к кустам, сидящие девчонки торопливо поджали ноги. Громко шлепая берцами сорок пятого размера, мимо лавочки с одноклассниками ураганом промчался Ваню. В тележке, упертой из торгового центра под визг и хохот он катал двоих пассажирок – на этот раз Васёну с Ксюхой. Ведь упихал как-то – сумел! И то сказать: после такого количества пивасика людей можно трамбовать в любых количествах и в любые емкости. Я покосился в сторону урны, которую за час с небольшим мои одноклассники умудрились доверху забить пустыми банками и бутылками. С завистью, надо сказать, покосился. Сам я пива никогда не понимал, но вот тому, как легко и просто заливали в себя эту жижу мои одноклассники, действительно, завидовал.

А что? Поздний вечер, фонари, полуголые осенние тополя, и тут такая развеселая карусель! И все-то им фиолетово – и то, что часы скоро прокукуают одиннадцать, и что мелькают еще на аллеях редкие прохожие, и что, по идее, пора уже спатеньки.

Хотя Ваню-то как раз пива тоже не пил. Этот богатырь и впрямь любил дышать полной грудью – и вдыхать при этом не никотин с вейповским угарным паром, а нормальный кислород. И в отличие от меня ни высоты, ни скорости этот здоровяк никогда не терял. Наоборот – если уж забирался в лодку, то начинал ее так раскачивать, что посудина начинала громко трещать и черпать воду всеми бортами. В этом был его жизненный смысл – рвать финишные ленты, где бы их не натягивали – зубами, руками, чем только можно. Федя Маяк уже доложил мне,

что полчаса назад Ваню катал одну Васёну, а теперь вот уже и Ксюху уболтал. Да и другие были не прочь угодить к нему в пассажирки. Особо меня допекало понимание того, что даже Цапля с легкостью согласилась бы на эту роль. Всего-то и требовалось – чтоб Ваню свистнул и позвал...

Словом, народ продолжал тусить, а я стоял рядом, изредка перетаптывался и привычно менял маски. Держать одну и ту же улыбку или, скажем, напряженное внимание, было зверски трудно. Наверное, можно было и не мучиться – кто бы заметил, но я все же старался не выходить из роли и краешком глаза продолжал сканировать ту часть скамьи, где восседала моя «принцесса». Оттуда и впрямь как волна теплая исходила, и боковое мое зрение до того уж натренировалось, что позволяло видеть картинку довольно отчетливо. И улыбку ее, и глаза, и мимику. Когда чья-нибудь рука вольно вползала на ее плечико, мне сразу становилось зябко. Сама же Цапля выжидала некоторое время, а после нахальную ручонку непременно стряхивала. И голову при этом поворачивала так, чтобы видеть Ваню... Я это несколько раз подметил и, само собой, просек, что это она для Ваню бунтарство свое демонстрирует – хочет, чтобы он увидел, как она других отшивает. А он, дуболом такой, конечно же, ничего не видел. Продолжал носиться туда-сюда, выделявая со своей тележкой бешеные пируэты. Пассажирки визжали, Ваню хмыкал, одноклассники выдавали двусмысленные комментарии:

- Ща разгонится и в столб! Чтоб махом сразу двоих...
- Двоих ладно, а вот третью бы посадить. Машунь, рискнешь?
- Я что, смертница?
- Смотри, твой выбор. Ваню не просто так катает. Он им обещание дал.
- Чего?
- С кем катаются, на тех женятся.
- Ага, сначала покалечит, потом женится.
- Тогда ему Пашку с Машкой надо было в тележку сажать. Вот и сделал бы им подарочек.
- Ага, так они к нему и сядут!
- А что? Они давно мечтают...
- Они переселиться мечтают, а не родить. А эти ща кувыркнутся – и сходу родят, гы-гы...

Реплики были, конечно, так себе – обычный словесный понос, но я тоже был уверен, что кончится все тем, что либо тележка развалится на части, либо катание завершится серьезным столкновением.

Но обошлось без столкновения: на одном из поворотов Ваню не справился с управлением, и тележка тупо перевернулась. Кувырок «оверкиль» – да еще на приличной скорости. Девчонки мячиками раскатились по тротуару. Васёна, конечно, захныкала, Ксюха принялась громко ругаться, склоняя Ваню по всем падежам. Вся наша «скамейка» с готовностью заржала, а Цапля, стремительно, поднявшись, зашагала к упавшим. Помогла Васёне, склонилась над ее коленом.

– Лучше бы ты с Максом покаталась, – сказала она, и я невольно вздрогнул. Это у меня уже вроде нервного тика было. Стоило ей заговорить, и руки-ноги точно к источнику тока подключали. А главное, я сейчас прямо режиссером себя чувствовал. Наши-то роли, оказывается, совпадали! Ну, не совсем, конечно, – разные мы роли играли, но важно, что играли. Я участвовал в массовке, ее партия целиком и полностью посвящалась Ваню. И в гробу она видела всю эту вечернюю веселуху, всех наших одноклассников, красивую Людку, богатенького Макса, зубоскала Лёшика. Она и в парк заявилась ради Ваню. Ну, а Макс, наверное, ради нее. Хотя про Макса говорить было сложно. Мутный он был тип. Хитрый, как лис...

- Совсем рехнулся! – продолжала ругаться Ксюха. – Не смотрит, куда едет...
- В самом деле, убить же мог.
- Да ладно, велика потеря. Вот тележку помял, жалко...

Цапля зачерпнула с дорожки пригоршню песка, швырнула в Ваню.

– Хопана! – тут же заблажил Димон. – Бахти, гля-ка – бунт на корабле, хозяина режут!
– Вяжи рабынь!
– Идиоты!
– Хорэ орать... Бахти! – Ваню шелкнул пальцами, и верный его помощник оторвался от скамьи, ссадив с колен худосочную Таньку.

– Ага?
– Не ага, а бери тачилу и перекантуй на автостоянку у центра, – он катнул скрипучую тележку.

– Да на кой? – Бахти поморщился. – Надо, сами заберут.
– Мы угоняли, нам и возвращать, – приказным тоном произнес Ваню.
– Давай, Бахтиярушка, двигай поршнями! – фыркнул Глеб и тут же огреб от Ваню оплеуху.

– Сейчас сам побежишь!
– А че я-то! Я и не катался даже.
– Вот и поперхнись. Человек за нас старается, значит, уважуха ему...
«Скамейка» вновь зареготала, но уже в адрес Глеба. Решение Ваню более не оспаривалось. А я вдруг вспомнил, как впервые он вступился за меня. Ну, то есть, впервые это случилось, когда я корону Веронике отдал, а в тот раз серьезнее все вышло – впервые он заставил всех заметить мое присутствие.

Мы тогда на разрезы рванули. В классе пятом – в самом конце мая. Еще и не купался никто, но солнце грело всюю, и ясно было, что вода уже годится для купания. А тут еще англичанка заболела, «окно» улыбнулось – вот мы и рванули. Если бы я воды боялся, я, конечно, остался бы в школе. Но плавать меня уже научили, да и не рассуждал я особо – надо или не надо. Мозги – они ведь позже скрипеть начинают – во всяком случае, у большинства. Вот и я тупо обезьянничал, все рванули – и я рванул. До разрезов, если напрямую – через заброшенный химзавод, да кусочек леса – было совсем ничего. Километра полтора-два. Так что вполне успевали.

В общем, добежали, искупнулись, попищали, само собой, – вода-то все равно не «май-месяц». Точнее месяц-то – май, но все равно было холодно. Так что обратно вылезали, дрожа и стуча зубами. И у меня челюсть лягала, но хуже, что пальцы скрючило, никак я не мог пуговицы застегнуть, шнурки на туфлях завязать. Все вокруг уже оделись, а я все с обувью ковырялся. От спешки еще и узлом шнурки затянул – прямо как нарочно!

– Че, погнали? – торопил всех Димон. Он обычно быстрее всех успевал. Даром, что имя шустрое. Это я уже тогда подметил: все Димки – шустрики. Таких в спорт хорошо брать или туда, где нахальства побольше требуется, чтобы скорость и локтями всех распахать.

– Ваню! Пошли, что ли?
Но Ваню стоял на месте и смотрел, как я воюю с чертовыми шнурками.
– Этот еще не оделся, – уныло вздохнул он.
Я мысленно издал горький стон. «Этот...» Он даже не знал толком, как меня зовут!

– Да по фиг! Догонит.
– Вместе пришли, вместе и уйдем – веско проговорил Ваню, и все заткнулись. А я суетливо елозил пальчиками по своим узлам и никак не мог с ними справиться. Чуть не плакал уже. Ваню шагнул ближе, присел на корточки.

– Чего затянул-то так? – он отобрал у меня туфлю, сильными пальцами в несколько прищестов заставил узел развязаться.

– Все, натягивай!
– Спасибо... – сипло выдохнул я.
– За спасибо – на такси бы! – гоготнул Лешик. – Пузырь «Колы» с тебя!
– И курева блок! – добавил Димон.

Вано, не вставая, повернул голову, все также значительно произнес:

– Я не курю и «колу» не пью. А ты... Ты ведь Петр? Лучше это... С компом мне поможешь. Лагает по-страшному, а Бахти говорил, ты в этом сечешь.

– Ну, немного...

– Вот и ладушки.

Словом, умел Вано говорить с народом. И ведь ничего суперумного не произносил, но получалось так, что его слушали. Я потом много всего разного про это передумал – и про кулаки, как главный аргумент, и про то, что, может, он изначально не боялся озвучивать простые вещи. Все же кругом кривлялись, ехидничали, а он просто говорил, как есть. Ну, и смотрел, конечно, по-особенному. Типа, кто не верит, придется поверить. Потому что два раза не повторяю.

Он и впрямь языком зря не молол. Иногда даже задумывался надолго, прежде чем что-то сказать. И никто ведь не называл его тугодумом! Тем более что рожденная в итоге фраза получалась короткой, емкой и по делу. Да что там! Даже умница Макс так не умел...

Небрежно толкая перед собой тележку, Бахти убрел в парковую тьму. Его проводили сочувствующими взглядами.

– Ништяк, дойдет.

– Дойдет и не вернется...

– Хорош, каркать, – Вано отряхнул руки. – И дойдет, и вернется.

– А колготки мне кто зашивать будет? – обиженно прогудела Васёна. Вроде девчонка, а голосок, как у паровоза. – Колено разбил, колготки порвал.

– Хочешь, зашью, – хмыкнул Вано.

– Знаю, как ты зашьешь.

– А чего? Нормальную заплату прилеплю. Я на свои штаны сто таких заплат ставил.

– Оно и видно...

– Да плюнь! Можно вовсе не зашивать. Сейчас мода такая – дыры носить на коленях. Бритвочками специально режут. А у тебя уже все готово, вторую еще порвать – и будешь самая модная!

– Совсем рухнул? Это же колготки!..

Вано, впрочем, уже ее не слушал, он наконец-то разглядел меня.

– Петручио, наконец-то! Куда пропал-то?

Я торопливо шагнул под свет фонарей.

– Так это... Тута я.

– Тута-анюта... Спрятался как мышь. Я здесь бегаю, вагонетки таскаю – прямо как этот...

Кули китайский, а тебя все нет и нет.

– Кули? – Димон громко фыркнул. – Кули или кули?

– Это, типа, кулича, что ли? – поддакнул Лешик. Им явно не терпелось снова поржать, Но Вано остудил их пыл.

– Мотай на ус, олухи, – он чуть покривился. – Кули – это по-нашему гастарбайтеры, только в прошлые времена их из китайцев да индийцев набирали. Кто грузчиком ишачил, а кто в рикши подавался.

Я поневоле ощутил гордость. Про кули-то это я ему однажды рассказал. Когда поисковики на компе настраивал. Я уже тогда знал, что Вано ни читать, ни зубрить, ой, как не любит, а вот слушает с удовольствием. Прямо как малыш из детского сада. Я даже подумал – может, ему сказок никто никогда не читал? В детстве, значит. Вот и образовалась лакуна. Этакая вакуумная пробка...

Тем временем Вано сграбастал меня своей лапищей, похлопал по спине, торкнул кулачком под дых, но у меня ж там книжка, ха! Так что я и виду не показал. Впрочем, он тоже ничего не заметил. Вместо этого утерся и сплюнул в сторону.

- Во, курица! Песком швырнула, до сих пор на зубах скрипит.
- Васёна, что ли? – поинтересовался Геныч.
- Да Цапля! Курица эта!
- Так цапля или курица? – пошутил Лешик.
- Вано с готовностью хмыкнул над словесной шарадой.
- А я знаю? Их там две было!
- Я тебе это запомню! – обиженно возмутилась Васёна. Опираясь на руку Цапли, она кое-как подхромала к лавочке.
- Нормалевич, Вано! – гаркнул Димон. – Курица – не птица, цапля – не человек!
- И я о том же, – Вано пожал литыми плечами. – Их же это... С ветерком катают, а они потом обижаются.
- Ничего хоть не поломали? – робко поинтересовался я.
- Тележку-то? Да не-е, борт только помяли малехо...
- А кости?
- Да какие там кости! Что им сделается-то? – Вано даже слюной подавился от удивления. Откашлявшись, продолжил: – Васёна чулок порвала – и все. Колено – вообще не в счет, заживет.
- Не чулок, а колготки. И блямба целый месяц будет видна! – плаксиво долетело со стороны Васёны.
- А ты не чулки носи, – трикошки! – Вано хохотнул, и стадо на лавочке поддержало его – заухало, заквакало, закудахтало. И я, само собой, похмыкал чуток.
- А чего? С лампасами надевай – под спортсменку закосишь.
- Сам коси, косорукий! Тележку катать не умеет.
- Во, чума-то! – Вано утер губы, поглядел на ладонь. – Еще и эта кидается. Прямо бешеные.
- Чего, попала? – с усмешкой поинтересовался Димон.
- Ага... Я думал, промажет, а она хорошо так ляпнула. Снайперюга.
- Так ты рот пореже открывай – вот и не попадет.
- Зато тебе ща попадет. Веселый больно! – Вано по-бойцовски качнул плечом, изображая удар, Димон пугливо согнулся.
- Не бздомэ! Тебе только с Цаплей крылышками махать.
- Да ладно... Не я же в тебя кидал.
- Еще б ты рискнул.
- Зато я рискнула! – отчетливо произнесла Цапля. Я снова вздрогнул.
- Это точно, – Вано необидчиво хохотнул. – Точняк, бешеная. Хорошо, глаза успел закрыть.
- В другой раз не успеешь!
- Следующего раза не будет. На метро катайтесь. Такси больше не работает! – бодро откликнулся Вано.
- Колготы мне бесплатно купишь! – прогудела Васёна.
- Бесплатно – сама себе покупай, – Вано, отмахнувшись, наконец-то вернулся ко мне глазами. – Не мог раньше придти? Сам видишь, какие тут пироги-пирожные.
- Да он час тут толчется, – хмыкнул Геныч. – Пока ты телок возил.
- Какие там телки... – Вано приобнял меня за плечи. – Ну что, как там у нас с катакомбами? Есть движуха?
- Какими катакомбами? – встрял любопытный Димон.
- Неважно, – отрезал Вано. – Инфа закрытая. Только для белых!
- Белые, блин! Полетай – вон уже синий от холода.
- Я не от холода, – попробовал я оправдаться.

– Ага, от перепою. Пивасик на квасик, небось, променял?

– Пошли, – Ваню повлек меня в сторону.

– Эй, вы куда, сладкая парочка? – смешливо пропел нам вслед Лешик.

– Я ведь вернусь, – не оборачиваясь, пообещал Ваню, и скамейка громыхнула смехом.

Впрочем, шуточек больше не последовало. Парни знали, что с Ваню станется – запросто может и вернуться. И накостыляет. Был как-то случай – в этом же парке. Так же стояли, языками мели, а мимо старушка шла, остановилась – и давай вдруг выговаривать нам – за мусор, за окурки, за харкотину. Все, понятно, захмыкали, да и Лешик что-то такое брякнул – шутовское. Ваню очень нехорошо на него поглядел. Парни понятливо заткнулись, а вот Геняч взял и сплюнул – смачно так, звучно. Он когда курит, постоянно плюется, вот и тут сплюнул – даже не чтоб досадить бабушке, а машинально. Но Ваню взял и навернул ему в лоб. Не кулаком – всего лишь ладонью, но хватило, чтоб Геняч кубарем слетел со скамьи и проехался по земле юзом. Так бабуля вместо спасибо тут же и Ваню выдала – за то, что руки распускает, да по головам долбит. Мол, у них там без того пусто, а если еще и колотить, совсем дурными вырастут. Такая вот мудрая бабуля попалась...

Еще через минуту, оставив скамейку за спиной, мы деловито двигались к юго-западной части парка – туда, где таилось мое логово.

Глава 5 Вечер сюрпризов

– В сети про это ничего не нашел, – сбивчиво рассказывал я. – Мусор один. И дядька мой помалкивает – никаких подробностей не выдал. Им, похоже, велели держать язык за зубами.

– Ни фиги себе! А интернет, а блоггеры?

– Какие там блоггеры! Это же свой узкий круг, все под контролем – да еще под землей. Типа, честь мундира – как у военных и ментов. Ну, и у шахтеров тоже сор из избы не принято выносить. Даже если что происходит, стараются не болтать.

– Вот и дожидаются взрывов с обвалами, – проворчал Ваню. – Значит, нет инфы?

– Ага, все перекрыли и засекретили, не пробиться.

– А диггерманы? У них же любой слух подхватывается. Неужели у них тоже ничего нет? – Ваню продолжал обнимать меня за плечи – прямо как друга. Хотя если ты ниже на голову, так это даже удобно. Может, и не обнимал он меня, а просто пристроил таким образом свою ручищу на моем плече – довольно тяжелую, кстати.

Я помотал головой.

– Ни у диггеров, ни у сталкеров. Один только вброс и был – про аварию «щита». Вроде как метростроевцы чего-то тормознули, а у робота сразу два бура треснуло. Но новость даже полдня не провисела, тут же и анулировали.

– Забанили, значит?

– Типа, того. Чисто так сделали, даже скриншотов никто не успел снять.

– Красавы! – оценил Ваню. – А еще трендят про свободу слова.

– Не-е, если что реально не нравится, быстро убирают.

– Тогда почему чернуху с порносайтами не трогают?

Я виновато пожал плечами. Этого я тоже не понимал.

– Ну... Может, там налоги хорошие отстегивают.

– Вот именно, что отстегивают, – Ваню быстро огляделся, заговорил чуть тише. – Ты-то как свою норку откопал?

– А я и не копал ничего. Так оно – нечаянно получилось... Да сейчас сам все увидишь...

Мы миновали детскую площадку с мамашей, монотонно покачивающей безмолвную коляску, и двинулись вдоль стадионной ограды. Когда-то здесь высились деревянные трибуны, собирались болельщики... Впрочем, нас с Ваню тогда и на свете еще не было. Это уже родителей следовало расспрашивать, что я и делал периодически. История парка меня очень даже интересовала. Потому и знал я его давнюю анатомию, даже примерно представлял себе, где располагалась танцевальная сцена, какие тут красовались гипсовые статуи пионеров с барабанами-горнами, где расстилали ковры и одеяла отдыхающие семейства, устраивая пикники, и в каком именно месте стояла летняя сцена с огромным экраном. А еще тут были свои туалеты, будки, торгующие билетами, детская карусель, качели с песочницами, прыжковые ямы и площадки для метания гранат да ядер. Вместо сегодняшних тополей тут и там росли сосны, хватало разнотравья, а поляны густо устилала хвоя. Вдоль аллеи высаживали акацию, ближе к стадиону густо клубилась сирень с черемухой – это я уже на черно-белых фотографиях высмотрел. Просто удивительно, сколько тут всего умещалось! Закрывая глаза, я легко перебрасывал себя в то время и не понимал, как можно было все это вырубить и уничтожить.

– Теперь-то куда?

– Сюда, – я показал рукой на березовый сорный подлесок, охватывающий небольшой пятачок, схоронившийся между оградой стадиона и бывшим зданием кинотеатра, перестроенным в маленькую церковь.

– Тут же это... Чертополох!

– Ага, а еще куча битого кирпича и обломков плит. Потому и не суются сюда газонокосильщики. Когда ломали спорткомплекс, мусор сюда сгребали, вот оно кучей дурной и осталось. А после заросло травой да кустарником.

– Блин! – Ваню, склонившись, всматривался в сумрачные заросли. – Мы тут на стекла не напоремся?

– Ну, вообще-то бутылок битых здесь хватает, – признался я.

– Прямо реальная свалка!

– Да нет, тут все давнее. Главное – под ноги глядеть и осторожнее шагать... – Я достал светодиодный патрон-фонарик, осветил перед собой. – Давай я впереди пойду.

– Годится, – согласился Ваню.

Раздвигая густые, низко нависающие ветки, мы прошли вперед шагов десять, по едва угадываемой тропке свернули направо.

– Вроде осень уже, а крапивы до черта!

– Так что ей делается? Тут и листва стойкая. Еще может месяц продержаться.

– А зимой как?

– Зимой снег все присыплет, а у самого входа обычно машины уборочные нагребают вот такущий холм. Детвора с него вместо горки катается, но не в эту сторону. Так что сюда никто не суется.

– Ясно. А ты как сунулся?

– Ну... – я замаялся. О фобиях своих Ваню я, понятно, не рассказывал. И о том, как прятался тут от мира – тоже никому не говорил. Даже родителям.

– Мяч сюда как-то залетел, я и полез, – неуклюже сочинил я. Точнее – интерпретировал. Потому что мяч теннисный и впрямь сюда однажды забросили. Но парни, что играли мячом, за ним не сунулись. Мячей у них хватало. А я нашел его много позже – и не на тропке уже, а в подвале – в Бункере, значит. Но мяч – дело десятое, важно – что щель эту под нависшей

бетонной плитой я, в самом деле, обнаружил чисто случайно. Залез, прячась от мира, а вместо тупика обнаружил настоящий проход! И позже, вернувшись с фонариком, пролез под плиту и открыл Бункер.

Ну, это я так его поименовал. Не очень хотелось называть мое логово подземельем, подвалом или пещерой. Потом я уже с лопаткой маминой снова вернулся и расширил проход, чтоб не пачкаться. И ведь снова полез – несмотря на жуткий трясун и всю мою клаустрофобию. А вот зелень вокруг выкашивать не стал. Наоборот – подтащил к плите кленовую сушнину, и, уходя, бережно прикрывал свой лаз от посторонних.

– Тесно! – прокряхтел Ваню. – Ох, измажусь, Петруччо! – будешь меня отстирывать.

– Да нет, тут уже рядом, – я легко проскользнул в щель, поелозив телом, толкнулся руками и спрыгнул в пустоту. Посветив вокруг, тут же отошел в сторону, давая возможность приземлиться Ваню.

– Оппачки! – он шумно спрыгнул рядом, прикрылся от меня рукой. – Да не свети ты в лицо.

Я отвел фонарь в сторону.

– Если выключить, глаза привыкнут, и кое-что будет видно. Но там дальше коридор с поворотом и уже полная темень.

– А потом что?

– Потом складское помещение, но оно почти полностью завалено обломками, надо на четвереньках пробираться. А после еще один лаз – немного пошире этого, и сразу за ним начнется подвал бывшего спорткомплекса: качалка, сауна, хранилище для лыж и коньков.

– Круто! – довольно запыхтел Ваню. – Что, и тренажеры с коньками есть?

– Тренажеры есть, а коньки с лыжами все вывезли, остался лишь самый хлам. Но зато... – я выдержал театральную паузу. – Там есть свет!

– Какой еще свет? Электричество, что ли?

– Ага, самое настоящее.

– Иди ты! Откуда ему тут взяться?

– Да нет, честное слово! Я сам ничего поначалу не понял – нашел выключатель на стене – старинный такой, еще поворачивать надо – думал, не работает. А повернул, оно и вспыхнуло. Люминисцентные лампы – чуть ли не во всех помещениях.

– Как же так могло получиться?

– Ну, наверное, когда разрушали все бульдозерами наверху, то снесли стены, столбы с проводами, а кабели, что от трансформаторной станции тянутся под землей, не тронули. А станция – она же тут – в десяти шагах всего-то – вот и уцелело.

– Ништяк! Выходит, ты хату готовую нашел!

– Хату?

– Ну да! С электричеством здесь и жить можно! Ночевать, чай распивать, киношки смотреть, – Ваню хозяйственно отобрал у меня фонарик, поводит лучом по замызганным стенам, посветил под ноги – на кучу земли и камней, выросшую в аккурат под отверстием, через которое мы вывалились.

– Ну, если летом, то можно, наверное, и жить, – я неуверенно пожал плечами. – Но все равно прохладно. Зимой-то и вовсе колотун.

– Это как раз не проблема. Можно электропечку притаранить, включим – и согреемся. Или «буржуйку» замастырить, как у садовников. Трубу наружу выведем, замаскируем и станем втихаря кочегарить.

– Дым могут заметить.

– А мы по ночам. Хотя электропечь, конечно, удобнее, – Ваню все больше воодушевлялся. – Смотри, как здорово! Площадей – не меряно, электричество халявное, соседи опять же

никакие не мешают – полная звукоизоляция! Можешь хоть дискотеку устраивать, хоть на станках работать – никто не услышит. Короче, ты – гигант, Петручио! Прямо супер-пупер-дигер!

Я польщено заулыбался.

– Только одно непонятно. Про все это хозяйство наверняка должна знать администрация. Как они-то прощелкали такое богатство?

– Ну... Это мне отец немного порассказывал. Когда, значит, перестроечная буза началась, тут бандиты под себя все подгрести – гаражный комплекс, стадион, бассейн со всеми помещениями. Тогда и подвал этот, наверное, обустроили – с тренажерами и сауной. Чтобы отсиживаться да расслабляться... Ну, а как начали их сажать, так все это и сгнуло. Никто ж не афишировал, что тут есть. А потом – кого постреляли, кого посадили, и не осталось свидетелей. Рушить-то уже без них начали. Вроде хотели сначала автостоянку сделать, да бросили.

– А те, кого посадили, не заглядывали в гости?

Я снова пожал плечами.

– Может, кто и приходил проведать, но наверху-то ничего уже нету. Остатки фундамента да крапива. Главный-то вход и не здесь даже находился, а с той – дальней стороны, где бассейн, значит. Но там все давно заасфальтировали, так что теперь этого подвала вроде как и не существует.

– Круто! – Ваню довольно запыхтел. – А вдруг здесь захоронки с оружием, клады какие-нибудь? Ты не искал?

– Да не-е... – я покраснел. Потому что, конечно, искал, чего тут скрывать. Тоже думал разжиться арсеналом для самообороны. При фобиях – оно бы очень не помешало. Таскал бы сейчас за поясом какой-нибудь «тэтэшник» или наган революционных времен.

– Значит, поищем! Не может быть, чтоб эти ребята чего-нибудь не оставили... – Ваню съехал с земляной горы вниз, обошел помещение. – Слушай, ты сам-то когда это хозяйство обнаружил?

– Так вот... Этим летом и обнаружил.

– Ни фиги себе! И столько времени молчал!

– Лето же было, мы не учились. И потом я не сразу все исследовал. Боязно было по завалам одному ползать.

– Нормалевич! Вдвоем мы тут живо все изучим, – окольцевав комнатку, Ваню посветил в черноту прохода. – Может, сейчас полезем?

– Можно, конечно, только там это... Грязно, в одном месте ползти придется.

– Понял! Экипировка нужна... – Ваню, вернувшись, гулко хлопнул меня по плечу. – Только причем тут метро-то? Ты ж про него рассказывал. А тут совсем другое.

Я помотал головой и, собравшись с духом, выпалил:

– Через метро нам туда по-любому было бы не добраться, а здесь... Здесь есть проход.

– Чего?!

Лица я Ваню не видел, только фонарь и смутный абрис фигуры, но даже по тону легко было представить, как вытянулась у него физиономия. Воистину, для Ваню это был вечер сюрпризов. Приятных, как мне тогда думалось.

– Здесь есть одно ответвление, – объяснил я. – Раньше я по нему особо не лазил. Свод-то не очень ненадежный, и мусора много – в общем, ничего интересного. Но когда они там уткнулись в этот массив, видимо, решили шашками тоннель пробить. Ну, и начали взрывать...

– Ага, и что?

– Нц... Я как раз здесь был – и все слышал. Тут ведь недалеко до западной ветки, а там они на него и наткнулись – на монолит этот. В общем... Как стали взрывать, тут сквозняк пошел, дымом потянуло.

– Каким дымом?

– Так от взрывчатки этой. Я по запаху и отправился – как раз в это ответвление, а как до конца добрался, дыру нашел. Огромную!

– Ну? – в голосе Ваню слышалось нетерпение.

– Вот тогда я и решил тебе все рассказать. Потому что одному туда как бы не очень...

– Очково, понимаю! – Ваню фыркнул.

– Ага, уже реальный экстрим. Я в дыру-то и фонариком светил, и камни кидал – вроде глубоко. Даже думал вовсе прикрыть все досками и не лезть...

– Я тебе закрою! – Ваню хохотнул. – Такой фарт, а он про доски придумал. Хотя кое в чем ты прав. Если глубоко, нам и впрямь нужна экипировка. Как у дигеров. Это у нашего Максика полный шкаф костюмов да смокингов, а я в этих джинах – и в школу, и на праздники... – он на минуту задумался. – Короче, делаем так: никому ни слова, а завтра сразу после уроков, бросаем рюкзаки и рвем сюда. Что нам нужно?

– Ну... Веревку подлиннее...

– Правильно! А лучше два мотка – метров по двадцать. Фонари – налобные и обычные. Спички со свечками...

– Зачем свечки-то, если есть фонари?

– На всякий пожарный. В пещерах, знаешь, как быстро батарейки садятся, влажно ведь... Еще берем ножи складные, одежонку какую-нибудь походную и... – Ваню ожесточенно поскреб в затылке. – И пожрать что-нибудь. Бутеры там, воды бутылку, термос, если есть. Все вроде?

– Вроде все.

– Ну, и ладушки. А сейчас выбираемся и дуем к нашим, чтоб не заподозрили чего.

Я послушно кивнул. А что мне еще оставалось? Я был рядовым матросиком, а капитан Ваню привычно рулил...

Глава 6 Накануне...

Восьмой класс – все-таки не седьмой, это мы сразу почувствовали – с самого 1-го сентября. У половины парней голоса пошли ломаться, и за лето все вытянулись – прямо жуть. Я тоже подрос, но как-то скромно – сантиметра на два-три. А вот Генка Маханюк аж целый дециметр прибавил – таким лосярой стал, даже Ваню обогнал. Да и других сложно было пацанами называть. Мы и обращались друг к другу уже иначе: «але, мужики, привет!», «как дела, мужики, все путем?». Мужики, ха-ха!.. Послушать со стороны – ухочешься, но вот как-то оно на автомате пошло – рукопожатия, солидность в движениях, разговоры... Одни, значит, проблемы «апгрейда» обсуждают, другие беседуют о пользе и вреде энергетиков, о готовящемся чемпионате по футболу. Но особенно весело было слушать «знатоков» тюнинга – и впрямь заговорили так, словно у каждого в гараже по паре-тройке тачек стояло. И все при этом знали, что машин ни у кого нет. То есть, у Лешкиного дяди и впрямь имелась старенькая джиги шестой модели, Людкины родители мотались в сад на потрепанном «Оппеле», а отец Генюча владел мотоциклом «Урал», но на этом перечень, пожалуй, и заканчивался. Цапля про себя особо не рассказывала, а Макса Гурницкого я даже и не считал – он был не совсем из наших. Уже при первом его появлении все сразу уяснили, что «буратинка» из богатеньких – без особого пафоса, но со своими тухлыми наворотами. Потому что сходу попытался подкупить всех бесплатной «угощаловкой» в местном кафе. От угощения народ не отказался – схрюпали все за милую душу, однако особого уважения Макс этим не заработал – разве что выбил себе право присутствовать на тусовках и время от времени молвить свое не самое пустое слово.

В общем, в начале учебного года народ выделялся, как мог – глаза пучил, пальцы гнул, вразвалочку ходил. Само собой, хватило нас ненадолго – уже через неделю стали снова хохмить, верещать да дурачиться. Как и прежде. Хотя, конечно, здорово, что догнали, наконец, девчонок по росту. А то ведь класса до шестого они были верзилами, мы – лилипутами, какое уж там ухаживание – смех один! Только сейчас все пришло в относительную норму. Я, понятно, затылком к Цапле не прислонялся, но тайные меточки на стенах для себя обозначал – там, значит, где она останавливалась. Когда не видел никто, подбегал к ним и вставал рядом. По всему выходило, что выше она меня была всего ничего. Если же ей надеть туфли без каблуков, а мне стельки тройные сделать, то можно и вовсе не стесняться. Но это было в прошлом году, а теперь я вроде стал даже чуточку выше ее – тем более что шпилек она никогда не носила.

Кстати, девчонки и тут четко разделились. Некоторые-то влезали на такие шпильки-шпилицы, что их как башни коломенские стороной обходили. За версту было видно, что эти «предательницы» взяли курс на старшаков. Впрочем, таких было немного. Большинство одноклассниц щеголяли в обычных кедах-кроссовках – обуви вполне человеческой. Вот и Цапля ходила в своей обычной униформе – джинсах, блузке и кроссовках. Хотя при ее фигурке – ей бы любая одежда подошла – хоть платье до пят, хоть самое жесткое мини. Но про «мини» я, честно сказать, боялся даже думать. Поскольку на фоне наших «коров» Цапля сразу взмыла бы в форменные принцессы. А тогда... Тогда и старшаки за ней ринулись бы табунами, и все наши гиппопотамы. Может, и Ваню, наконец, понял бы, какой он слепой дураком. Ему-то, остолопу, и ухаживать не пришлось бы – только щелкни пальцами (а у него это звонко получалось!) – и поскакала бы моя Цапля за ним, полетела бы и помчалась.

Был еще страх, что в восьмом у нас поменяют математика, но Григорьич, по счастью, остался на своем законном месте. Он и пришел-то к нам в школу в прошлом году – незадолго до появления Цапли, но сразу взял всех в крепкий оборот. В том смысле, что прежнюю математичку мы не любили и боялись. Были, конечно, свои успевающие, но лично я не понимал ничегошеньки. Ну, прямо напрочь! И мнение о себе, как о безнадежном тупице, подкреплял практически на каждом уроке. В этом плане Василий Григорьевич меня просто спас. Да чего

там! – его у нас сразу все заценили, как препода мудрого и необычного. В том смысле, что учиться у него оказалось, на удивление легко и весело, и уже в первую неделю я с удивлением понял, что, кажется, начинаю что-то понимать и имею все шансы выбраться из двоечно-троечного болота на твердую почву.

Он, кстати, и начал свой первый урок необычно. Стремительно влетев в класс и оглядев всех смеющимся взглядом, громко объявил:

– Все взяли себя за нос. Все, все! Не ленимся! А теперь осторожно потянули. Только не отрывая. И запоминаем то, что сказал великий Эйнштейн: «Математика – это наиболее совершенный способ водить самого себя за нос». Знания – ничто, воображение – все! Поэтому на каждый урок приносим листочки для почеркушек. Забыли – спрашиваем у препода. Препода – это я, Василий Григорьевич. За глаза можно звать Васей или просто Григорьевичем. Ну, а всевозможных листочков у меня всегда навалом.

– А зачем нам листочки? – поинтересовался кто-то из ребят.

– Рисовать, черкаться, тренировать воображение – водить мысль на кончике пера. Кто не рисует и не черкается – вяжет себя по рукам и ногам, надевает в темной комнате черные очки и пытается отыскать потерянные ключи.

В классе захихикали.

– Нам же это... Рисовать на уроках запрещают. Даже на ИЗО.

– Ну... – Василий Григорьевич картинно развел руками. – У каждого свои методы. Мой метод разрешает и черкаться, и рисовать. Именно черновики позволяют избегать ошибок. Не бойтесь ошибаться! Кто никогда не совершал ошибок, тот никогда не пробовал что-то новое. Это, между прочим, тоже сказал Эйнштейн! Будьте ручейками и не превращайтесь в болото, и тогда все у вас получится – непременно доберетесь до своей Мечты, до своего Моря-Океана. Не понимаете чего-то – отлично! Значит, вы перед очередной ступенькой. Задайте вопрос препода, получаете ответ – и поднимаетесь на ступеньку вверх. Когда все легко и понятно, это даже подозрительно. Радуйтесь непонятному. Это всегда подножка, которую несложно перепрыгнуть.

– А если впереди не подножка, а целая баррикада? – ехидно осведомился Макс.

– Значит, чего-то вы не замечали прежде – возможно, тех же маленьких подножек. Испуганно обходили стороной – вот и накопилась куча-мала из маленьких непониманий размером с баррикаду...

Так вот оно все и завертелось... Мы сходу принялись «черкаться» и «рисовать». А «удивительный чувак», как выразилась о нем влюбившаяся в учителя Томка, в несколько уроков сделал из нас своих верных поклонников. А уж сколько цитат он высыпал на нас ежедневно – из Кьеркегора, из Паскаля, из своего любимого Альберта Эйнштейна – просто офигеть!

Я даже в справочниках потом специально про Эйнштейна листал – и нашел кучу других классных высказываний. Больше всего мне понравилось такое:

«Чтобы выигрывать, прежде всего, нужно играть».

Я сразу сообразил, что это относится все к той же теме черновиков. Черкаешься – значит, ищешь, «играешь», а не сидишь пнем, мучительно пытаешься что-то вспомнить, боясь написать лишнюю циферку. В итоге ничего не вспоминается – и получается полный облом-обломище. Гребешь к доске и огребаешь...

У Григорьевича (простецкое «Вася» к нему не пристало) все было иначе – и даже тишина, как таковая на уроках, не приветствовалась. Есть вопрос – спрашивай, не молчи. Нашел интересное решение, топай к доске, делись с народом! Никто тебя за это не осудит и не повесит. Что-то не так – ржать, может, и будут, но двойка по любому не ставят – и даже наоборот, неверная попытка порой оценивалась тем же пятакон! Так сказать, за жизненное любопытство, за проявленную отвагу. Новый наш математик умел шутить, никогда не орал и не ругался. Математику он как-то легко совмещал с геометрией, позволяя обходиться вовсе без учебни-

ков, а весь урок превращал в азартное состязание. Всех скучающих и болтающих он очень по-семейному делил пополам: «злостным» честно предлагал прогуляться (безо всяких обид и репрессий), всех прочих стогнал табунком к широченным доскам, предлагая резко повысить успеваемость доказательством теорем, решением задач и примеров. Как-то здорово у него это получалось, потому что и впрямь выходило вроде соревнования. На пальцах и вполне наглядно он разжевывал всем стоящим у доски секреты решений, все прочие слушали, мотали на ус, черкали мелками. Половина – обычными, половина интерактивными перьями – кому уж какая доска доставалась. Всем остальным предлагалось скоренько решить *все* примеры из рабочих тетрадей, за что тут же щедро ставились пятерки. Потом в ход шли карточки (а ими, как и бумагой для почеркушек, у Григорья был забит весь портфель), и за каждую решенную карточку он опять же выставлял пятерку. Четверок у него было мало, а троек и двоек не было вообще! Тех, кто решал неверно и делал ошибки, он попросту усылал «разбираться» – к доске или за парту. И куда деваться – разбирались, конечно. Кто-то списывал, кто-то подглядывал – Григорьич разрешал все! Даже про шпаргалки он как-то сказал, что «вещь – это крайне полезная, поскольку тренирует зрение, память и сообразительность». Типа, значит, пока сочинишь иную шпаргалку, уже и поймешь все, выучишь и выжжешь клеймом на обоих полушариях...

Короче, прежнюю зубрильную стратегию он форменным образом сломал об колено. С уроков мы уходили *без* единого домашнего задания, возбужденные и довольные, унося разом по три-четыре, а кто и по пять-шесть пятерок. Может, на первых уроках он, таким образом, нас только завлекал и разогревал, но старшак Гусь (Гусев Витька) из десятого на перемене подтвердил, что у них с Григорьичем та же «ботва». Троек и двоек нет, четверок с гулькин хрен – и то только на контрольных. Короче, мужик чумовой, и, похоже, скоро съедет в Москву. Мы даже приуныли тогда – ну, почему, блин, так-то? Как путевый кто вынырнет – группа музыкальная, бизнесмен или учитель – сразу либо за кордон сваливают, либо в столицу. Словом, жизнь с появлением нового математика существенно изменилась. Мы ведь даже на олимпиады впервые стали команды посылать! Выше четвертого места, правда, пока не поднимались, но раньше-то школа вообще ни о чем подобном не помышляла!

Вот и сегодня первых двух уроков у нас вроде как и не было, поскольку сразу за математикой сразу шла геометрия, но то и другое мы и за урок не считали. Скорее – можно было сравнить с посещением зала игровых автоматов. Послушав и поглядев на «дундуков» у доски, я быстро въехал в изучаемую тему, разобрался с правилом возведения дробей в степень – и дальше все пошло-поехало само собой. Кругом тоже всю скрипели ручками. Кто-то радостно гоготал, решившие вскакивали с места и мчались к учительскому столу за отметками. Прямо цирк какой-то! Даже не заметили, как пролетело время, и свои законные две пятерки я снова получил. И вновь вспомнил, как мучились мы год назад у Тамары Тимофеевны, дамы с голосом надсадно-скрипучим, ставившей за урок не менее десяти двоек, то и дело писавшей клеветы и жалобы родителям. Именно у нее я однажды, под уговоры одноклассников выступил с дурной речью. Это, кстати, Машка, заговорщица, спланировала, ну и остальные поддержали. А я... Я и отказаться не мог – испугался. А может, хотел приколоться перед народом, лишний раз показать себя не пустым местом. В общем, надо было завернуть что-нибудь эдакое, чтоб у учительницы уши повяли, вот я и завернул. На полном серьезе расписал ей доказательство теоремы из программы второго вузовского курса, при этом дал пояснение, в котором и сам ни бельмеса не понял. Что-то вроде: «Остаточный член – это разность между заданной функцией и функцией ее аппроксимирующей. Тем самым оценка остаточного члена является оценкой точности рассматриваемой аппроксимации. Этот термин применяется, например, в формуле ряда Тейлора...»

Не такая уж замысловатая фишка, но одноклассники знали, что я неплохо выучиваю сложные тексты, и надежды их я полностью оправдал. У Тамары Тимофеевны отвалилась челюсть, глаза в панике забегали. Она явно не понимала того, что я говорю, но, глядя на мою

вечно постную невинную физиономию, никак не могла понять, в чем тут подлянка и в чем подвох. Тем более что и класс помалкивал. С двух точек наши придурки снимали все на телефоны, а Тамара Тимофеевна стремительно закипала... Ничего у нас тогда не получилось. Двойку мне, конечно, вlepили, и наорать – наорали, но, видимо, Машка-Машуня ожидала какой-то более нестандартной реакции. А криков – их у нас хватало на всех уроках. Фиг, кого удивишь.

Вот и на химии мы махом порастеряли весь пыл. Точно после математического раскаленного горна нас сунули в мерзлый снег. Аннушка (так звали мы химичку) что-то писала на доске, часто путалась в формулах и химических элементах, но срывалась, понятно, на нас. Чем больше путалась, тем больше сердилась. Мне даже жалко ее становилось. Ну, вот зачем было иди в учительницы? Да еще по такому дремучему предмету? Я понимаю, если бы мы разбирались, как делают стекло, керамику, вникали бы в формулу булата и обычной стали. Или нам бы рассказывали, как из леса и бамбука бумагу делают, а из глины – кирпичи с кувшинами. Нет, ну, правда! – мировая же наука, столько всего интересного! А нам гнали какую-то пургу про основания, таблицу растворимости заставляли учить, валентность с зарядами. Я глядел на наших девчонок и пытался представить, как все эти знания потом выручат их в жизни, как помогут где-нибудь на кухне или на пляжах Испании, в парикмахерских или ночных клубах. Ну, ржачка ведь, реально! И лет в семьдесят какая-нибудь Танька Мокина или Ксюха Самохвалова однажды посмотрит в зеркало, погладит свои седые пряди, и по морщинистой щеке скатится ностальгическая слеза. В памяти всплывут уроки, где изучали кислоты и щелочи, и где она, зевая и втихаря играла с телефоном, пропустив столько вселенских истин...

Впрочем, весело мне не стало. После математики на юмор реально не тянуло. Я, кстати, и по другим ребятам это подмечал. Что-то такое проделывал с нами всеми Григорьич – странное и непонятное. Не тянуло больше придуриваться и юморить, а хотелось вот также азартно в считанные минуты глотать иные предметы и учебники, прыжком перемахивать перекладыны теорем и правил, а после фигачить в тетрадах или у доски, сыпать цифрами и формулами! И чтоб побольше успеть, да потруднее – хоть на секундочку ощутить себя маленьким гением – не Лобачевским, так тем же Менделеевым. Короче, человеком с большой буквы! А домой потом приволочь кучу пятерок и ворох новых знаний. Только вот Григорьич был один-единственный на всю школу, и все эти мечты можно было смять в ком и упихать в одно место. Так что Аннушку я скоро совсем перестал слушать, вернувшись к своему обычному занятию – ковырянию в ушах, черкотне в блокноте и лицезнению одноклассников. Слева я видел бай-

роновский профиль Макса, главного своего соперника, справа – полупрофиль моей милой Цапелки. Ваню я видеть не мог, поскольку его законное место всегда располагалось на галерке. Впрочем, и он скоро напомнил о себе, сначала шарахнув по моему затылку жеваным катышем, выплюнутым из раскрученной ручки, а после перебросив мне записку. Наталья, моя соседка, попыталась схватить бумажный квадратик, но я успел раньше.

Поочередно поглядывая то на Наташку (чтоб не выхватила записку), то на Аннушку, я быстро прочел:

«Не забыл про СЕГОДНЯ? После школы дуем домой и со шмотками встречаемся у храма».

В напоминаниях я не нуждался, все было оговорено десять раз. Просто Ваню тоже тосковал на химии – вот и развлекался, как мог. Его бумажные снарядики то и дело тюкали по затылкам впереди сидящих ребят. Народ реагировал на удивление одинаково: сперва грозно и резво разворачивались, но после, разглядев сияющую физиономию Ваню, тут же стирали с лиц всю злость. Одни укоризненно качали головами – вроде как осуждая баловство, другие радостно улыбались – типа, классный прикол, шуточка из клёвых. Я в миллионный раз позавидовал Ваню – уже привычно, как завидуют старики своим любимым внукам. Попробуй я плюнуть жевышем в какого-нибудь Геньча, Жигу, Макса или Лешика, и последствием будет некролог в школьной стенгазете. Хотя и некролога никакого не будет. А будет как в той давней советских времен песне: «Отряд не заметил потери бойца и „Яблочко“ песню допел до конца...» Вот и допоят преспокойно – до самого выпускного класса...

Я молча порадовался, что музыки, которой нас мучили в прошлом году, больше не стало. Ее не любили даже больше, чем уроки ИЗО. И там, и тут, мне чудилось, что над нами открыто издеваются. Даже Валька Мотылева, которая серьезно занималась игрой на скрипке и уже участвовала в куче всевозможных концертов, при случае сбегала с музыки, как и все мы. Да и любовь к рисованию, по-моему, отбили практически у всех. Я даже как-то подумал, что, может, это намеренно делали – чтобы мы не увлекались уличным граффити, чтобы на партах не рисовали, на обложках учебников? Должна же быть хоть какая-то разумная причина?

В общем, все протекало привычно – перемены, какие-то дежурные объявления, само собой, и обед в гомонящей столовке, где традиционно учащимся втюхивали тендерный фаст-фуд. Кто-то покорно глотал и первое, и второе, кто-то ограничивался компотом, кого-то из малышей, конечно же, снова тошнило. К школьной пище им, молодым, еще следовало привыкнуть...

На географии все дружно зевали, на русском поочередно скребли ручками в затылках и тетрадах. Очередной диктант в очередной раз подтвердил, что русского языка я, по всей видимости, не знаю. Давно и безнадежно запутавшись в правилах, я писал удивительно безграмотно. Мне удавались сочинения, я их *слышал*. И потому точно знал, где какие знаки препинания ставить, как именно писать сложные слова. Если шел диктант или вызывали к доске для какого-либо разбора, начиналась форменная мука. Был даже эпизод, когда я чуть было не разрыдался. Прямо на уроке. Потому что Эльвира Семеновна, наша русичка, тыкала мне в лицо моим же свеженьким сочинением и надсадно вопрошала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.